

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#2 2023

В номере:

**Россия и мир:
социальные тренды**

Социология искусства

Вопросы психологии

Этика науки

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

Россия и мир: социальные тренды

- Сажиеенко Е. В. Тренды современного этапа глобализации* 3
Седова Л.И. Перформативные практики коммеморации в конструировании коллективной идентичности 11

Социология искусства

- Богатырев А.В. Тень библейской Евы в романе Агаты Кристи «Миссис Макгинти с жизнью рассталась»* 26
Силаева А.М. Особенности адаптации литературного текста во французском и американском кинематографе (на примере экранизации романа А. Дюма «Три мушкетера» в фильмах Дж. Сидни и Б. Бордери) 38

Вопросы психологии

- Хозиев В.Б. Предисловие к статье Г. М. Шавердян «Психопатология личности и проблема зла»* 50
Шавердян Г. М. Психопатология личности и проблема зла. Часть 1 52

Этика науки

- Кокорева А. Н. Этические проблемы развития генетики* 62
Айданов Р. Г. Этико-правовые проблемы развития и применения циклотронов сверхпроводящего состояния в медицине 70

УДК 101.1:316

Е.В. Сажиевко

Тренды современного этапа глобализации

Аннотация:

В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми столкнулось общество в последние годы на фоне пандемии COVID-19 и специальной военной операции (СВО). Проводится анализ современного этапа глобализации: можно ли по-прежнему считать, что этот процесс идет или начался обратный процесс – деглобализация?

Ключевые слова: глобализация, кризис, санкции, пандемия, деглобализация.

Об авторе: Сажиевко Екатерина Владимировна, Государственный университет «Дубна», кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук; e-mail: cuore-87@mail.ru

Еще несколько десятилетий назад казалось, что процесс глобализации – нечто незыблемое. Действительно, торговый оборот между странами наращивался, продолжалась отраслевая дифференциация стран в экономической сфере, процесс проникновения западной культуры в инокультурные среды усиливался, а количество коммуникаций между представителями разных стран возрастало. Казалось, что взаимовлияние и взаимопроникновение настолько сильны, что уже ничто не может изменить этот тренд. Уже к началу XXI в. были четко встроены глобальные цепочки поставок. Одни государства специализировались на создании и внедрении новых технологий, другие – на их производстве, третьи – на добыче полезных ископаемых, а четвертые делали упор на аграрном секторе.

Налаженная система неплохо работала до мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. После начала пандемии COVID-19 ситуация вновь усугубилась. Например, в 2021 г. случился глобальный кризис цепи поставок, суть которого заключается в том, что китайское производство уже было налажено, а порты в США не справлялись с объемом перевозок. Кроме того, транспортировку контейнеров осуществляют выходцы из стран с

низкой долей вакцинированного населения, что ухудшает ситуацию в этом секторе рынка труда. Сегодня мир находится на этапе выхода из состояния пандемии, но роль региональных цепочек поставок продолжает возрастать.

Если говорить о недостатках глобальной системы в контексте санкций, то уместен пример с производством полупроводников. Страны, на долю которых приходится большая часть их выпуска, ввели санкции против России в сфере технологий. В нашей стране есть свои предприятия, но «Байкал Электроникс» и МЦСТ не производят полупроводники, а только проектируют их, используя архитектуру ARM и MIPS, принадлежащие британским компаниям. Задачи по выпуску давал TSMC, находящийся в Тайване. Собственная архитектура микросхем есть в «Эльбрусах», однако и тут возникли проблемы из-за того, что производство сложных моделей осуществляет TSMC, отменившая все заказы из-за того, что Тайвань присоединился к санкциям. Таким образом, доступ к конкурентоспособным полупроводникам у России весьма затруднен.

У объективного процесса глобализации, разумеется, была и обратная сторона, проявляющаяся в унификации стилей жизни по западному образцу, представляющей собой угрозу для национальной самобытности. В итоге процесс глобализации начал встречать активное сопротивление в странах с собственными культурными практиками, традициями и, главное, с собственным видением своего места в глобальном мире. Таким образом, многие социокультурные проблемы были вызваны стремлением сохранить этническую и культурную самобытность и противостоять унификации, неизбежно привносимой глобализационными процессами во всех сферах социальной жизни.

Подобное явление получило название «глокализация» [12]. Его можно считать проявлением противоречия между объективным (глобализация) и субъективным (воля носителей национальных культур и их политических лидеров) факторами. Тем не менее, взаимозависимость различных стран продолжала расти и укрепляться. Казалось, что именно этот аспект останется неизменным, что бы ни происходило. Но в последние годы и эта тенденция начала меняться, что стало особенно заметно с началом пандемии COVID-19. Для России самые масштабные проявления глобальных изменений начались уже в 2022 г., хотя первые сигналы о возможных трудностях появились значительно раньше.

«Плавильный котел» глобализации

Сегодня изменения, вероятно, затрагивают непосредственно сам объективный процесс глобализации. Исследователи, работающие в области экономики, еще в 2010-е гг. (после мирового финансового кризиса) начали использовать термин «деглобализация», при этом суть описываемого процесса «выражается прежде всего в ограничениях свободы торговли с помощью протекционистских мер и торговых войн» [7, с. 38]. В начавшемся десятилетии этим понятием можно описать уже и другие сферы жизни общества, поэтому, на наш взгляд, уместно говорить о начале нового этапа глобализации, наглядно демонстрирующего, насколько хрупким оказался глобальный мир, казавшийся таким стабильным.

Объяснить текущую ситуацию только ограничениями, введенными из-за пандемии, или санкциями против России из-за специальной военной операции вряд ли получится. Ее истоки уходят в более ранние периоды, когда между Москвой и Киевом были вполне рабочие отношения, а вирус, распространившийся по всей планете, был объектом изучения историков и микробиологов, основой сюжета нескольких книг и фильмов в жанре фантастики, но никак не объектом внимания СМИ, общественности и ведущих политиков мира.

Если говорить о начале геополитического противостояния России и Запада, то можно вспомнить о таких фактах, предшествовавших украинскому кризису, как «конфуз с Ираком (ноябрь 2012 г.), запустившим информацию об отмене четырехмиллиардного контракта с Россией на покупку вооружения, разное отношение России и западных стран к «арабской весне» (в Сирии), специфика интересов РФ и США в Венесуэле, интернационализация Арктики и национальная легитимность России – отзвуки этой геополитической борьбы» [6, с. 62]. Этот длинный список, иллюстрирующий противостояние по оси Россия – глобальный Запад, можно дополнить переговорами по сирийскому химическому оружию, предоставлением политического убежища Э. Сноудену, введением санкций со стороны США из-за нарушения внутреннего закона о запрете распространения ядерного оружия в отношениях с Ираном, Сирией и Северной Кореей, неоднозначная оценка военного присутствия России в Сирии и так далее.

Если рассуждать об отношениях Китая и США, двух ведущих экономик мира, то здесь в большей степени противостояние затрагивает торговый оборот и доступ к технологиям. Например, «пандемия усилила стремление многих развитых стран защитить

свои внутренние рынки от экономической экспансии Китая» [2, с. 69]. Защита национальных интересов от экспансии КНР в сфере экономики стала важным фактором американской политики. Разумеется, такие факты противоречат принципам свободной торговли, характерным еще для рубежа XX-XXI вв. Очередным сигналом деглобализации стал «процесс исключения китайских компаний из листинга на фондовых биржах США и введение санкций за сделки с некоторыми китайскими компаниями» [10, с. 30]. И все-таки трудности, стоящие перед Китаем в современных условиях, относятся пока только к сфере экономики или экономической политики.

Мы можем наблюдать, как изменилась риторика мировой политической элиты. Больше не озвучиваются никаких постулатов о международной экономической безопасности, под которой понимается «предоставление гарантий на взаимной основе в том, что ни одно государство не сможет извлекать каких бы то ни было экономических или иных (явных) преимуществ в одностороннем порядке из ситуаций, связанных с экономической зависимостью и угрозами в рамках единого мирового хозяйства» [11, с. 311]. При этом нет и решимости полностью от нее отказаться. Например, российские активы заморожены, но не изъяты, поскольку есть опасения, что такой прецедент способен окончательно подорвать основы мировой экономики. Кроме того, подобные решения могут пагубно отразиться на национальных интересах США и других западных стран по многим причинам, среди которых немалую роль играет, например, наличие большого внешнего долга, держатель значительной части которого – Китай.

Таким образом, «некоторое восстановление мирового экономического развития после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. было в значительной степени нивелировано пандемией COVID-19 и конфликтом на Украине, обнаживших весь комплекс накопившихся нерешенных проблем дисфункциональности МВФС (мировой валютно-финансовой системы – прим. автора)» [8, с. 200]. Политические элиты разных стран переживают кризис, проявляющийся либо в очевидном непонимании современных реалий, либо в нежелании действительно решать проблемы, общие для всего человечества. Более того, действия различных мировых лидеров привели к фактическому срыву переговоров по украинскому кризису и складывается впечатление, что цель – не прекращение боевых действий, а, напротив, их максимальное продление.

А. П. Назаретян говорил о том, что «решающий рост эффективности РФ на международной арене был бы обусловлен смещением акцентов во внешнеполитической

риторике с «национальных интересов» на актуальную общечеловеческую тему: «восстановление устойчивости глобальной геополитической системы» [9, с. 149]. Однако риторика отечественных СМИ до сих пор базируется на патриотической составляющей, которая подходит только для внутренней аудитории и не позволяет завоевать поддержку за рубежом. Естественно, Россия последовательно выступает в качестве флагмана в борьбе с глобалистской идеологией. Но патриотизм и антифашизм не противоречат друг другу, стоило лишь немного проработать риторику и снизить эмоциональный накал.

Ошибочная стратегия в риторике СМИ привела не только к отторжению потенциальных сторонников вовне, но и к расколу общества, что мы могли наблюдать весной этого года, когда десятки тысяч человек массово покидали страну. А. П. Назаретян предлагал направить усилия на разработку стратегического курса «на сохранение планетарной цивилизации в XXI в. и его грамотную информационную раскрутку» [9, С.149]. С одной стороны, такая риторика отечественной политической элиты – проявление борьбы двух идеологий: «глобалистской» и «национальной», свойственной для современного этапа глобализации [4]. С другой стороны, большая ориентированность на решение глобальных проблем могла бы способствовать созданию более благоприятного образа России в других странах.

Серьезные изменения коснулись не только политических, но и финансовых элит. Введенные санкции пошатнули положение крупнейших российских предпринимателей, чьи счета оказались заблокированы. Это спровоцировало трудности в работе не только представительств их компаний за рубежом, но и внутри страны. Задержки заработной платы, длительные административные отпуска, закрытие множества предприятий, покидающих Россию, отражаются на самочувствии всех социальных классов. Вероятно, наиболее существенно санкции отразятся на представителях высшего и среднего социальных слоев, поскольку вызовут изменения не только в структуре потребления, но и даже в образе жизни. Например, средний класс привык к отдыху за границей, частота поездок и страны пребывания зависят от уровня доходов. Места отдыха изменились еще из-за пандемии COVID-19, и традиционные поездки в Турцию и Египет заменил отдых в Крыму, на Кавказе и в Краснодарском крае. Теперь нижняя прослойка среднего класса, составляющая примерно 30% населения страны, находится под угрозой оказаться за чертой бедности. Представляется, однако, что снижение уровня жизни затронет в той или иной степени большую часть населения планеты.

Изменения отразились и на сфере культуры: приостановлено научное сотрудничество России с западными странами и Китаем, что стало, пожалуй, самой большой неожиданностью, поскольку КНР не вводила никаких санкций по отношению к нашей стране. Вероятно, китайское руководство не захотело рисковать совместными научными проектами с европейскими странами и США. Русская культура тоже оказалась под ударом: от анекдотически-курьезного исключения тургеневского дуба из конкурса «Европейское дерево года» до разрыва контрактов с российскими музыкальными деятелями, что стало еще одним образцом «культуры отмены», в разных контекстах проявляющейся в западных странах. Таким образом, мир заметно меняется, а глобальная турбулентность в итоге в разной степени затронет жизнь каждого человека.

Связи порваны: временно или навсегда?

А. П. Назаретян в последние годы неоднократно высказывался о том, что события после 2010 г. свидетельствуют о системном кризисе, который переживает глобальная цивилизация, что приводило его к неутешительным выводам. При этом он писал о том, что любые мегатренды развиваются нелинейно, с периодами, когда их развитие замедляется или вовсе возвращается к предыдущему состоянию. Еще в 2018 г. он писал: «Если в близком будущем на мировой арене не образуется вменяемый субъект, оснащенный эффективным смыслообразующим мировоззрением и способный восстановить утерянный геополитической системой баланс, то перспектива цивилизации на нашей планете может оказаться плачевной» [9, с. 85]. Вероятно, современные события – последствия того, что мир все еще переживает геополитическую турбулентность, обусловленную не только крушением биполярной системы, но и изменениями реалий, сложившихся после 1991 г. США продолжают вести политику, свойственную им последние 20-30 лет, не желая уступать свои слабеющие позиции. При этом на роль «противовеса», удерживающего баланс, претендуют в разной степени несколько акторов, включая Россию, но представляется, что особую роль в противостоянии играет все-таки Китай [5].

Вопрос о том, смогут ли Россия и Китай образовать единый центр силы, пока остается открытым. С одной стороны, оба государства отстаивают, прежде всего, собственные национальные интересы, что мешает заключению прочного союза (не оглашается даже таких намерений). С другой стороны, подобное объединение могло бы быть эффективным, поскольку этим государствам есть что предложить друг другу. Китай

– первая экономика мира (первая по ВВП по паритету покупательной способности), в то время как Россия обладает огромными природными ресурсами и тем, что в этой ситуации не менее важно, – опытом противостояния с западными странами, которые почти ни по каким вопросам не имеют своей позиции, отличной от позиции США. Единственное исключение из этого – период президентства Д. Трампа, не являющегося проводником глобалистской идеологии. Даже из-за столь напряженных отношений «война (мировая в классическом понимании – прим. автора), судя по всему, не начнется» [3, с. 16].

Вопрос о том, насколько долгосрочной и перспективной станет современная тенденция деглобализации, пока остается открытым. Что же может стать решением проблемы? Где пути выхода из кризиса? Оставим в стороне наивный сценарий, в рамках которого Россия отказывается от своих геополитических амбиций, а дружелюбно настроенный глобальный Запад, пекущийся о благе каждого россиянина, отменяет санкции, оказывает поддержку и все возвращается к исходной точке. В рамках этой статьи мы уже пришли к выводу, что текущая ситуация не причина кризиса, а одно из его проявлений. И все-таки, на наш взгляд, деглобализация – это временное состояние, вызванное экономическими проблемами на фоне пандемии, геополитической турбулентности и нового идеологического противостояния «глобализм vs национализм».

Понимание того, что в доминирующей парадигме мышления, характеризующийся политическим цинизмом, восприятием экономического роста и технологических инноваций как самостоятельной ценности, невозможно решить существующие проблемы, так и не пришло [1]. В таком случае вывод весьма печален: пока не придет осознание ответственности перед своими современниками и следующими поколениями, мир будет и дальше погружаться в хаос, что может сыграть роковую роль с учетом приближения сингулярности, о которой так убедительно писал в своих работах А. П. Назаретян.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н. Г. Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. №3. Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/77.html&j_id=7 (дата обращения: 02.10.2023).
2. Бойко И. В. Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века // Управленческое консультирование. 2022. № 1. С. 64-75.

3. Братерский М. В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI веке // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 11-33.
4. Гринин Л. Е. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир). Глобалистская революция и ее цена для мира / Л.Е. Гринин, А. Л. Гринин // Век глобализации. 2022. №1. С. 3-28.
5. Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. №2. С. 5-13.
6. Залывский Н. П. Конкуренция государств за экономическое лидерство в мире // Век глобализации. 2014. №1. С. 55-65.
7. Князев Ю. К. Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. №1. С. 35-42.
8. Кузнецов А. В. Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022. №2. С. 190-203.
9. Назаретян А. П. Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН, 2018. 260 с.
10. Семенкова Е. В. Причины, факторы и последствия деглобализации для российского фондового рынка / Е. В. Семенкова, Е. Н. Власова // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2022. №1. С. 26-31.
11. Яковлев А. А. Вопросы анализа национального и регионального опыта некоторых государств в решении задач по обеспечению экономической безопасности // Экономические науки. 2022. №1. С. 310-314.
12. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 211 p.

Sazhienko E. V. Trends of the modern stage of globalization

Abstract: The article examines the main problems that society has faced in the time of the COVID-19 pandemic and a special military operation. We analyse the current stage of globalization: can we still consider that this process is ongoing or has the reverse process begun - deglobalization?

Keywords: globalization, crisis, sanctions, pandemic.

УДК 124.5

Л.И. Седова

Перформативные практики коммеморации в конструировании коллективной идентичности

Аннотация:

Разнонаправленные и противоречивые социокультурные трансформации последних десятилетий, вызванные становлением общества информационного типа и глобализацией, спровоцировали кризисные явления в поле коллективной идентичности. В результате этих изменений перестраивается система координат социальной интеграции, сообщества различного рода (этнические, религиозные, гендерные) обращаются к прошлому в поисках основ самоопределения. Идентификация становится актом конструирования чувства «мы», в ходе которого активно задействуются практики коммеморации. Дуализм современных коммемораций заключается в том, что, с одной стороны, культурный код и значение этих практик определяются ограниченным кругом лиц, с другой стороны, на место единой манифестации большого общества (нации) приходит борьба мемориальных групп. Все большую роль в репрезентации прошлого играют «memory acts» – перформативные аспекты памяти, конструируемые вербально или материально посредством знаков и символов. «Эра коммемораций» требует переосмысления природы социальной памяти и коллективной идентичности; «текучий» характер современности выводит на первый план динамические аспекты рассматриваемых феноменов.

Ключевые слова: социальная память, коммеморация, идентичность, коллективная идентичность, перформативность, перформанс

Об авторе: Седова Любовь Игоревна, аспирант, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, эл. почта: lyubovmiklina@yandex.ru

Актуальность

Сложность и нелинейность трансформаций социокультурной среды, связанных с формированием общества информационного типа, процессом глобализации и развитием новых технологий, актуализируют вопрос об идентичности. Система координат индивидуального и коллективного самоопределения перестраивается, консолидация на национальной основе уступает место множеству локальных идентичностей. Такая тенденция создает угрозу фрагментаризации общества и, в последующем, эскалации конфликтных отношений внутри государств. Указанные трансформации требуют поиска основ социокультурной интеграции, сопряженных с историческим контекстом развития сообщества. Доктринальное установление основ консолидации в сложившихся условиях может усугубить кризисные явления в поле идентичности. В связи с этим видится необходимым исследование отвечающих современным реалиям форм репрезентации и деконструкции прошлого, обладающих интегративным потенциалом.

Методология исследования

Социально-философское осмысление процессуального характера социальной памяти требует привлечения ряда методологических подходов, в числе которых социальный конструктивизм, идеи, сложившееся в русле «перформативного поворота» в историческом знании, и процессуальная теория памяти.

Методология социального конструктивизма позволяет анализировать феномен коллективной памяти сквозь призму конструирования общих воспоминаний в процессе повседневной коммуникации. Выбранный подход раскрывает относительный характер памяти как знания, ее обусловленность конкретным социальным окружением и историческим контекстом. Базируясь на феноменологическом анализе повседневной жизни, представители социального конструктивизма выдвигают на первый план многообразие интерпретаций, бытующих в поле повседневности [3, с. 38-39]. Коллективные воспоминания в таком ракурсе представляют собой компонент повседневного знания, создаваемого (конструируемого) и воссоздаваемого (реконструируемого) в процессе социальной интеракции.

Память как процесс и продукт социального конструирования опирается на системы сигнификации или обозначения, функционирующие в обществе или группе. Пространство памяти упорядочивается благодаря существованию символического универсума – «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и

включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [3, с. 158]. Символический универсум, представляющий собой матрицу всех значений, организует воспоминания, придавая им целостность в контексте взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Он связывает события коллективной истории, объединяющей всех тех, кто проходил социализацию в конкретном обществе. Символическая система фиксирует информацию о прошлом в форме знаков и обеспечивает ее передачу из поколения в поколение. «Язык может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям» [3, с. 66]. Наличие систем сигнификации делает возможным не только трансляцию знаний о прошлом, но и эмоциональное соучастие в нем и повторное проживание, возвращая исторический опыт в контекст настоящего.

Представление о памяти как продукте социального конструирования прослеживается в самых ранних теориях *memory-studies*. В своих работах М. Хальбвакс подчеркивал конвенциональный характер мнемических структур: «воспроизвести – не значит вспомнить, скорее это значит реконструировать» [12, с. 129]. Память динамична, акт воспоминания всегда есть одновременно акт создания. Внешняя или социальная память, по М. Хальбваксу, «не хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также и социально-психологических данных недавнего происхождения – то есть с помощью настоящего» [12, с. 264]. Опираясь на внешние «рамки» в форме пространственно-временных обозначений, воспоминаний других людей и языка, индивид конструирует индивидуальную или личную память. Пространство социальной памяти перманентно формируется и подвергается ре-интерпретации в интересах настоящего.

Конструктивистская традиция в трактовке социальной памяти тесно связана с процессуальным подходом, получившим отражение в современных зарубежных концепциях. С. Браун, Д. Миддлтон и Дж. Лайтфуд рассматривают воспоминание как социальный акт, способ коммуникации в настоящем посредством обращения к прошлому [15, с. 125]. Память представляет собой не просто процесс хранения и воссоздания информации о прошлом, а нечто, что демонстрируют социальные акторы в ходе повседневного взаимодействия. Воспоминание предполагает ориентацию на будущее, учет потенциального значения или последствий предпочтения определенной версии

прошлого. Таким образом, воспоминание как социальный акт включает в себя одновременно конструирование и возможного прошлого, и потенциального будущего.

В контексте процессуального направления К. Сен-Лоран анализирует память сквозь призму отдельных актов – «memory acts». Последние подразумевают единство трех компонентов: акта воспоминания, того, что ему предшествовало, и того, какие последствия он вызывает. Memory act – это не ментальный процесс, а действие по конструированию и демонстрации представлений о прошлом [21]. Он формируется вербально или материально через использование знаков и символов. Коллективная память в русле описанной теории предстает как процесс, в ходе которого социальные акторы не извлекают уже готовые воспоминания, а активно создают и воссоздают их с помощью культурных схем. Memory act – это перформанс, в котором и автор, и аудитория играют активную роль. Как любой социальный акт, он институционализируется, регулируется нормативной системой и задействует более одной социальной позиции.

В рамках процессуального подхода коллективная память в современном обществе анализируется исследователями «третьей волны» memory-studies. Подчеркивается центральная роль перемещений в пространстве в актах воспоминания, что находит отражение в понятии «путешествующей памяти» («travelling memory») [17]. Движение воспоминаний сквозь пространственные, временные, социальные, культурные и языковые границы проявляется в комплексности мнемического пространства. Семейная, национальная, глобальная и другие виды памяти пересекаются, образуя динамический комплекс, который вовлечен в процессы производства, восприятия и передачи различных интерпретаций прошлого. Плюралистический и динамический характер памяти обществ поздней современности иллюстрирует понятие «запутанной памяти», предложенное зарубежными исследователями [18]. Достижения третьей волны позволяют перейти к анализу перформативных аспектов социальной памяти.

Перформативный поворот в историческом знании связывается рядом исследователей с проблематичностью идентификации в современном обществе [23]. В логике данного подхода социальные практики реконструкции прошлого намеренно подчеркивают отдельные аспекты истории, играющие ключевую роль в процессе самоидентификации. Перформативный поворот заключается в движении от догматичной трактовки истории и поиска «правильной» версии прошлого к его реконструкции. Исторический нарратив становится местом борьбы конкурирующих групп за право

владеть собственной историей и писать ее. Указанные процессы созвучны тому, что П. Нора называет «войнами памяти» [10, с. 75]. Тем не менее, речь здесь идет не столько о конфликтах за общее прошлое, сколько о социальной интеракции в процессе его конструирования.

Анализ социальной памяти с позиции перформативного подхода предполагает рассмотрение ее эмоциональной составляющей. Аффективный компонент составляет важнейшую часть исторического самосознания общности и включает в себя чувство исторической преемственности и сопереживание прошлому [4, с. 50]. Практики коммеморации, выдвигаемые на первый план в рассматриваемом подходе, формируют ощущение сопричастности к историческим событиям. В лексике Я. Ассмана переход от живой коммуникативной памяти к культурной осуществляется одновременно со сменой поколений. Рамки коммуникативной памяти создаются на основе непосредственного личного опыта свидетелей, воспоминания передаются в повседневном взаимодействии посредством устной традиции [13, с. 126]. Культурная память опирается на устойчивые объективации или знаковые системы, ее функционирование нуждается в институциональной основе, а передача смыслов осуществляется группами носителей или экспертами [1, с. 19]. Перформативный подход стирает грань между коммуникативной и культурной памятью, поскольку превращает в «авторов памяти» не только очевидцев, но и носителей «постпамяти» [2, с. 186]. Эмоциональное сопереживание участников накладывается на воспоминания очевидцев и формирует новый нарратив о прошлом, разделяемый представителями нескольких поколений.

Комплекс представленных методологических подходов позволяет выделить два аспекта исследования коллективной памяти с точки зрения ее влияния на самоидентификацию социальных субъектов. С одной стороны, описанные концепции очерчивают перформативный характер самой памяти. С другой стороны, выбранный подход формирует методологическую базу анализа перформанса как формы коммеморации.

Перформативность коллективной памяти

Перформанс как вид художественного творчества предполагает «публичное создание артефакта», в центре которого – «первичность и самодостаточность творческого акта» [7]. Перформанс как один из ключевых феноменов постмодернистского искусства возник в 1970-е гг. Сегодня этот термин широко распространен в поле социально-

гуманитарных наук и активно применяется в междисциплинарных исследованиях для обозначения формы современного искусства, где автор является частью произведения. Этот концепт отсылает к различного рода социальным и культурным практикам символизации, акционизма и социальной игры.

Необходимо различать понятия перформанса и перформативности, поскольку «не всякий перформанс является перформативным» [14, с. 184-185]. Между тем, общий признак, характеризующий оба феномена, заключается в том, что они отсылают к событию или процессу создания действительности. Существенное различие перформативности и перформанса определяется наличием или отсутствием интенционально действующего субъекта [8]. Впервые термин «перформативность» прозвучал в лекции Дж. Остина в середине XX в. и использовался в смысловом поле философии языка. Терминологическая универсальность и разноплановость концепта обусловили его широкое распространение в рамках социально-гуманитарного дискурса. В последнее время понятие перформативности активно применяется в *memory-studies* для описания динамичности и непрерывности мнемических процессов.

Применительно к теории коллективной памяти методология перформативности позволяет объяснить процесс воссоздания образов прошлого, неразрывно связанный с конструированием поля воспоминаний. Согласно рассматриваемому подходу, не существует фиксированного, объективного «оригинала» коллективной памяти, который можно сформулировать и передать следующим поколениям в неизменном виде. Иными словами, память не связана с воссозданием исторической «правды», но представляет собой живое, подвижное образование, в конструировании которого принимает участие каждый индивид [14; 16]. Воспоминание, следовательно, необходимо рассматривать как активное взаимодействие с прошлым, как перформативный, а не репродуктивный процесс. Построение памяти неразрывно связано с интересами и потребностями настоящего и будущего. На воспоминание свидетелей события и его реконструкцию накладываются переживания современников. Представление истории в медиа вкупе с восприятием этой картины аудиторией выступают частью непрерывного процесса создания коллективной памяти и ее интерпретации.

Будучи перформативной, коммеморация одновременно служит и формированию нарратива о прошлом, и символизации идентичности [22, с. 28]. Процесс воссоздания, воспроизведения и артикуляции воспоминаний, общих для двух и более индивидов,

усиливает социальные связи и выполняет таким образом интегрирующую функцию. Рост социальной сплоченности сопровождается репрезентацией образа группы и закреплением в сознании ее членов чувства принадлежности [23]. Память свидетелей переплетается с «постпамятью» («postmemory») в терминологии М. Хирш и создает уникальный комплекс воспоминаний, имеющий значение не только для очевидцев, но и для следующих поколений [19, с. 51]. Так коммуникативная память переходит в культурную, не теряя своей аффективной составляющей и оставаясь частью личного опыта всех членов группы.

Перформанс как форма коммеморации

Применение выбранной методологии предполагает исследовательский фокус не только на перформативности как сущностной характеристике коллективной памяти, но и на перформансе как способе ее выражения. Последний наиболее ярко демонстрирует конструктивистскую природу памяти и ее включенность в контекст настоящего.

Роль коммеморации в передаче культурного наследия была описана П. Нора во второй половине XX в. в коллективной монографии «Франция-память» [11]. Согласно П. Нора, невозможность сохранить непосредственную, спонтанную память вызывает к жизни создание так называемых «мест памяти» и практик коммемораций, призванных сохранить, реконструировать и передать воспоминания о событиях. Практики репрезентации истории могут быть централизованными, субъектом которых выступает государство, и частными (локальными). Государственные коммеморационные инициативы направлены на увековечивание памяти о ключевых событиях истории и исторических личностях, значимых с точки зрения формирования национальной идентичности и гражданской консолидации [2]. Гетерогенность пространства коллективной памяти подразумевает сосуществование наряду с централизованными низовыми инициативами, по-своему репрезентирующих те или иные аспекты прошлого. Многие из них служат ревизии или деконструкции доминирующего нарратива, критическому осмыслению как самих исторических событий, так и бытующих в обществе воспоминаний о них.

Многообразие практик коммеморации определяется формой репрезентации прошлого. П. Нора дает развернутую классификацию мест памяти, разделяя их, прежде всего на естественные (музеи, кладбища, годовщины) и искусственные или интеллектуально сконструированные (поколение, район-память) [9, с. 46-48]. По материальному аспекту места памяти могут быть переносными, топографическими, туристическими, монументальными и архитектурными. С точки зрения

функциональности выделяются «посвященные исключительно поддержанию непередаваемого опыта и исчезающие вместе с теми, кто его пережил» и «преходящие места, право на существование которых обусловлено педагогическими нуждами» [9, с. 47]. Доминирующий исторический нарратив представлен регулярными периодическими мемориальными торжествами и коммеморативными мероприятиями, призванными актуализировать и закрепить в массовом создании определенный образ прошлого на когнитивном уровне и сформировать эмоциональное отношение к нему.

Наибольшим значением в повседневной жизни обладают памятники и мемориалы, прямая функция которых состоит в увековечивании воспоминаний о событиях, периодах истории или выдающихся личностях. В отношении личной или семейной памяти такую роль играют фотографии, визуализирующие образы прошлого. Однако, как отмечают современные исследователи, и фотографии, и памятники выступают «вместилищами» застывших воспоминаний и в действительности могут мешать процессу памяти [14]. Относительно традиционных форм коммеморации возникает опасность помнить объект, а не само событие. Память здесь объективируется, приписывается носителю, и задача помнить возлагается не на индивидов, а на материальные предметы. Кроме того, монументы становятся частью привычного городского ландшафта, а фотографии превращаются в предмет интерьера и наделяются свойствами обыденности. В повседневной жизни такие «места памяти» часто не замечаются и не задействуют мнемические процессы.

Перформативный характер памяти наилучшим образом раскрывается в таких формах коммеморации, которые предполагают активное участие аудитории. К числу подобных практик относится перформанс как вид художественного творчества и способ реконструкции воспоминания. Стоит отметить, что, помимо перформанса, этими же свойствами обладают ритуалы и церемонии, связанные с историческими событиями. Участие в ритуальных практиках, в отличие от пассивного созерцания памятников или фотографий, провоцирует процесс воспоминания и сопереживания, в том числе у носителей постпамяти. Тем не менее, перформанс дает автору и аудитории большую свободу в интерпретации прошлого и создает уникальную ситуацию коллективного воспоминания. В отличие от ритуалов, перформанс не имеет свойств неизменности и повторяемости, напротив, его ценность заключается в конструировании памяти «здесь-и-

сейчас». Перформанс, таким образом, воздействует, прежде всего, на аффективные компоненты памяти и коллективной идентичности.

Перформансные практики коммеморации в современном искусстве

Попытки репрезентации исторического нарратива предпринимались в различных видах художественного творчества зарубежными и отечественными авторами. Перформанс в современном искусстве остается востребованной практикой, которая активно входит в музейное пространство. Большая часть коммемораций обращена к травмирующим событиям и имеет целью совместное переживание травмы. Перформансы, посвященные событиям коллективной истории, различаются по степени вовлеченности зрителя: от наблюдателя – до активного участника.

Наиболее известными сегодня остаются работы сербской художницы Марины Абрамович. Личные переживания, прошлое семьи и история Югославии переплетались в ее произведениях, создавая образы, остающиеся актуальными по сей день. В качестве примера публичной реконструкции коллективной памяти можно привести перформанс 1997 г. «Балканское барокко», посвященный жертвам вооруженных конфликтов в Югославии [20]. Содержание перформанса сводилось к тому, что художница в течение нескольких дней по шесть часов в сутки мыла тысячи окровавленных говяжьих костей на глазах у зрителей. Это действие сопровождалось рассказами о родном городе Абрамович – Белграде, что погружало аудиторию в широкий социокультурный контекст. Художники из разных стран предпринимали попытки повторить перформанс Абрамович. Так, например, в 2009 г. группа Tajiks-Art представила свой вариант «Балканского барокко» в Москве. Несмотря на перформативность представленной коммеморации, степень участия аудитории здесь минимальная, прослеживается четкое разделение на автора и зрителя.

Пример интерактивной выставки «Documenta 13» иллюстрирует практики коммеморации, в которых зрителю отводится более активная роль. В 2012 г. на тринадцатой выставке в городе Кассель (земля Гессен, Германия) была представлена работа Джанет Кардиф и Джорджа Миллера (Janet Cardiff and George Bures Miller) «Alter Bahnhof Video Walk» [14, с. 182-183]. Посетителям выставки предлагалось пройти по заранее составленному маршруту, повторяющему путь евреев по вокзалу Касселя. Зрителям выдавали девайс с наушниками для того, чтобы они могли прослушать воспоминания очевидцев и комментарии, записанные актерами. Эта работа нацелена одновременно и на фиксацию коллективной памяти, и на исследование сложных путей

конструирования представлений о прошлом. Формат видеопрогулки выводит акт памяти за рамки пассивного созерцания и позволяет зрителю войти в роль свидетеля и критически рассмотреть само понятие памяти.

Иллюстрацией наиболее полного включения аудитории в процесс коммеморации может быть реэнактмент как вид перформанса. Реэнактмент представляет собой театральную или кинопостановку с участием большого числа непрофессиональных актеров [5]. Основная задача – в коллективном воспоминании и повторном переживании исторического события. В большинстве случаев реэнактмент подразумевает обращение к травмирующему опыту социальной общности или группы. Один из ярких примеров – постановка Октябрьского переворота режиссера Николая Евреинова, участие в которой приняли восемь тысяч человек. Считается, что этот спектакль – один из самых масштабных в мировой истории искусства. Реэнактмент стирает традиционную грань между автором и зрителем, созданием произведения и его восприятием. Такого рода перформанс предполагает принятие участниками ролей, от которых впоследствии, по завершении сеанса, можно отказаться.

Перформанс, таким образом, представляет собой вид «диалогического искусства», в котором намеренно сконструированная ситуация вызывает эмоциональные переживания у зрителя и кристаллизует новые социальные отношения. Произведение искусства играет транзитивную роль в переживании прошлого, формируя критическое восприятие памяти и заставляя аудиторию задуматься над самим процессом воспоминания. Необходимо подчеркнуть особую роль перформанса в трансляции памяти о травмирующих событиях, для репрезентации которых сложно подобрать адекватные средства выражения. Искусство, в отличие от других форм коммеморации, способно работать с нерепрезентативным и невыразимым [6, с. 237]. Язык искусства отвечает интенсивности переживания травмы, а производимые им аффективные реакции обуславливают возможность примирения с ней.

Перформанс как практика воспоминания, воспроизведения и одновременно конструирования прошлого воздействует на коллективную идентичность тех, кто пережил это событие и идентичность следующих поколений, для которых воспоминание о событиях составляет постпамять, в двух аспектах – мифотворчества и формирования исторического нарратива. С одной стороны, в ходе перформанса артикулируются и передаются мифологические образы прошлого, часто в гиперболизированной и

обобщенной форме. В терминологии Я. Ассмана, миф повествует об абсолютном прошлом социальной группы, в котором запечатлены истоки ее идентичности и поведенческие образцы. Мифомоторика перформанса заключается в его способности оказывать влияние на деятельность индивидов и групп. С другой стороны, коммеморация может разворачиваться в форме рассказа о прошлом, исторического повествования, содержащего интерпретации и оценки. Перформанс маркирует как личную, так и коллективную идентичность, демонстрируя взаимосвязь прошлого и настоящего, формируя новые социальные отношения.

Выводы

Напряжение на уровне самоидентификации, отмечаемое исследователями в качестве симптома обществ поздней современности, вызвано, в первую очередь, сложными и нелинейными трансформационными процессами конца XX – начала XXI в. Глобализация и переход к информационному обществу актуализируют поиск самости как на национальном уровне, так и в границах социальных групп. Сообщества различного рода, стремясь сформировать или реконструировать собственную идентичность, обращаются к истории. Прошлое пересматривается, переосмысливается с позиции настоящего и нередко становится ареной конфликтов мемориальных групп. В ситуации дефицита конструктивного коллективного действия возникают формы низовой солидарности и перформативной коллективной памяти и идентичности, вновь проблематизируя дискуссию об основаниях социальной консолидации.

Сложность поиска форм артикуляции коллективных воспоминаний о событиях, непосредственные свидетели которых уходят с исторической сцены, вызывает к жизни новые формы репрезентации истории. Государственные коммеморационные инициативы («сверху») направлены на конструирование национальной идентичности. Вместе с тем, централизованное установление основ социальной консолидации в сложившихся условиях способно усугубить кризисные явления в поле идентичности. Поэтому наряду с институционализированными складываются низовые акты коммеморации. Они иницируются различными акторами, в том числе мемориальными группами «снизу». Разноплановость репрезентаций прошлого позволяет сформировать более целостную картину и дает возможность каждому ощутить сопричастность к историческим событиям. Запускается процесс, обратный тому, который описал П. Нора во второй половине XX в. На место объективированных, статичных форм коммеморации приходят перформативные

практики, предполагающие вовлеченность аудитории в воссоздание живой коммуникативной памяти. Распространение таких практик и снижение роли традиционных форм коллективного воспоминания отражают движение от «памяти-долга» и «памяти-дистанции» к спонтанности и непосредственному переживанию опыта.

Перманентный характер социальных изменений и «текучесть» современного общества обуславливают переход к третьей волне *memory-studies*, рассматривающей память с процессуальной точки зрения. Исследователи отмечают динамический, подвижный и запутанный характер коллективной памяти. Последняя понимается как совокупность *memory acts* – действий по вербальному или материальному конструированию и демонстрации представлений о прошлом посредством знаков и символов. Концепт актов памяти соотносится с перформативным поворотом в историческом знании, суть которого – в переходе от догматичной трактовки истории к признанию плюралистичности и динамичности представлений о прошлом.

Перформативный характер коллективной памяти отражается в современных практиках коммеморации, предполагающих диалогическое взаимодействие автора и зрителя. Перформанс отличается от традиционных форм коммеморации, таких как памятник, мемориал или фотография, рядом свойств. Во-первых, он оказывает воздействие на эмоциональный компонент памяти и идентичности, что делает возможным сопереживание и формирование непосредственных аффективных реакций на событие. Во-вторых, в ходе перформанса критическому осмыслению подвергается интерпретация прошлого и способы его реконструкции. В-третьих, язык искусства позволяет выразить неартикулируемое, подобрать адекватные средства для проявления и принятия эмоций, связанных с травмирующим опытом социальной группы.

Перформативные практики коммеморации маркируют коллективную идентичность, играют значимую роль в процессе конструирования чувства «мы». Активное вовлечение аудитории в процесс создания произведения искусства дает возможности перформативного воспроизводства участниками своей идентичности. При этом степень вовлеченности зрителей может варьироваться от позиции пассивного наблюдателя – до субъекта творчества и соавтора произведения. Перформанс воздействует на чувство общности и идентичности посредством заложенных в нем мифомоторики и исторического повествования. Символический язык перформанса апеллирует к событиям абсолютного прошлого, предкам и истокам существования

социальной общности. В то же время, перформанс служит формированию нарратива о прошлом, в создании которого может принять участие и автор, и аудитория. Восприятие зрителей накладывает на память очевидцев, образуя многоплановость мнемического пространства, объединяющего различные поколения. Создание новых социальных отношений вокруг произведения искусства способствует низовой консолидации как в межпоколенческом аспекте, так и в рамках одной генерации. Перформативные практики коммеморации, таким образом, обладают интегративным потенциалом и формируют основу коллективной самоидентификации.

Библиографический список:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
2. Бараш Р.Э. Современная коллективная память в России. Перформативный контекст // Вестник РФО. 2021. № 3-4 (97-98). С. 184-194.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Московский философский фонд, 1995, 322 с.
4. Воробьева Н.В. Историческое самосознание молодежи // Инновационное образование и экономика. 2010. №6 (17). С. 50-53.
5. Грачева Ю. Главный советский миф или взятие «Зимнего дворца» [Электронный ресурс] // Togdazine. Режим доступа: <http://togdazine.ru/project/winterfell/> (дата обращения: 31.10.2023).
6. Дремова Е.Н. Проблема репрезентации травмы и роль искусства в свидетельстве невыразимого опыта // Художественная культура. 2022. № 3. С. 220-241.
7. Маньковская Н.Б. Перформанс // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. 447 с.
8. Мироненко С.А. Определение понятий «перформативность» и «перформанс» в научно-исследовательском дискурсе // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 1(143). С. 69-74.
9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. С. 17-50.

10. Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (Интервью с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // Экономическое обозрение. 2011. №4. С. 75-84.
11. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 328 с.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
13. Assman J. Collective Memory and Cultural Identity / J. Assman, J. Czaplicka // New German Critique. 1995. No. 65. Pp. 125-133.
14. Bertens L. «Doing» Memory: Performativity and Cultural Memory // Holocaust Studies. 2020. Vol. 26. No. 2. Pp. 181-197.
15. Brown S. Performing the Past in Electronic Archives: Interdependencies in the Discursive and Non-discursive Ordering of Institutional Rememberings / S. Brown, D. Middleton, G. Lightfoot // Culture & Psychology. 2001. No 7(2). Pp. 123-144.
16. Erll A. Memory in Culture. New York: Palgrave Macmillan US, 2011. 218 p.
17. Erll A. Travelling Memory: Whither Memory Studies // Parallax. 2011. No. 17. Pp. 4-18.
18. Feindt G. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies / G. Feindt, F. Krawatzek, D. Mehler, F. Pestel, R. Trimçev // History and Theory. 2014. No. 53. Pp. 24-44.
19. Karacan E. Remembering the 1980 Turkish Military Coup d'état: Memory, Violence, and Trauma. Wiesbaden: Springer VS. 2016. 202 p.
20. Potiomkina N. 12 World-famous Live Art Performances by Marina Abramović [Electronic resouce]. // Artchive. Available at: https://artchive.ru/publications/3518~12_vsemirno_izvestnykh_performansov_Mariny_Abramovich (accessed date: 31.10.2023).
21. Saint-Laurent C. Memory Acts: A Theory for the Study of Collective Memory in Everyday Life // Journal of Constructivist Psychology. 2017. No 31(2). Pp. 148-162.
22. Schechner R. Performance Studies: An Introduction. Routledge. London-New York, 2013. 364 p.
23. Tilmans K. Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / K. Tilmans, F. Vree van, J. Winter. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. 368 p.

Sedova L. **Performative commemorative actions within the process of collective identity construction**

The rise of an informational society and globalization have generated multidirectional and ambivalent socio-cultural changes in recent decades, which have resulted in a crisis in the process of collective identification. Because of this, previous approaches to social integration have been rebuilding, and various communities (ethnic, religious, or gender-based) have been seeking the historical roots of their right to self-determination. Identification is becoming the process of «we» constructing, which involves commemorative practices. Modern commemorative practices have dual character. On the one hand, the cultural code and meaning of these practices are determined by a small number of people. On the other hand, the manifestation of a big society (nation) is replaced by the demonstrations of various memorial groups. «Memory acts», performative components of memory, which are constructed verbally or materially through signs and symbols, play an important role in the representation of the past. The emergence of «commemoration era» implies the reconsidering of social memory and collective identity. The «liquid» nature of modernity emphasizes the dynamic features of these phenomena.

Keywords: social memory, commemoration, identity, collective identity, performativity, performance.

УДК 821.111 + 222.1

А.В. Богатырев

Тень библейской Евы в романе Агаты Кристи «Миссис Макгинти с жизнью рассталась»

Аннотация:

В статье исследуется одно из детективных произведений А. Кристи об Эркюле Пуаро, в котором современные проблемы осмысляются через древнее сказание об Адаме и Еве. Образ Евы обретает воплощение не только в облике Евы Кейн, но и других женских персонажей, каждый из которых хранит свою неприглядную тайну. Выясняется, что истоком некоторых элементов сюжета «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» стала пьеса Джона Голсуорси «Серебряная коробка», в свою очередь «Миссис Макгинти» повлияла на замысел романа «Конец человеческой глупости».

Ключевые слова: детектив, история Великобритании, Агата Кристи, Эркюль Пуаро, «Миссис Макгинти с жизнью рассталась», библейские сюжеты, Адам и Ева.

Об авторе: Богатырев Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь; эл. почта: sob1676@yandex.ru

Любое серьезное научное исследование чем-то походит на детектив, оно способно привести к довольно неожиданным выводам. Так, изучение романа Агаты Кристи «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» (Mrs McGinty's Dead, 1952 г.) заставляет нас видеть в нем библейские аллюзии, касающиеся, прежде всего, прародителей человеческого рода. Об этом, конечно, уже писалось [1, с. 186–187], к Библии и религии в семье леди Агаты было особое отношение. Госпожа Миллер, мать будущей писательницы, долгое время находилась в духовном поиске, ее религиозные искания подчас обретали весьма специфические формы. Эта черта, судя по всему, передалась и ее дочери. Кристи в детские годы любила слушать истории из Ветхого Завета, среди которых, разумеется, был и рассказ об Адаме и Еве [2, с. 52].

В «Миссис Макгинти» библейские (христианские) мотивы, в частности сюжет о

первых людях, тоже присутствуют. Роман уже попадал в «оптический прицел» научного разбора, однако не получил того внимания, которое досталось наиболее известным трудам писательницы. Некоторое представление об изученности вопроса дает английская Википедия, а в недавней работе, в которой анализируются произведения Кристи, «Миссис Макгинти» в качестве отдельной главы отсутствует [9; 7]. Поскольку через призму Библии сочинение леди Агаты еще как следует не рассматривалось, мы можем сформулировать цель нашей работы – проанализировать библейский «субстрат» романа «Миссис Макгинти с жизнью рассталась». Поставим перед собой несколько первостепенных задач:

- выяснить, какие эпизоды истории Адама и Евы использовались Кристи и каким образом они «встраивались» в ее вымысел;
- определить роль и значение Евы в «Миссис Макгинти»;
- выявить идеи, транслируемые писательницей посредством библейской метафоры.

Итак, относительно сюжета романа, суть дела такова: бельгийский сыщик Эркюль Пуаро берется «проработать» обстоятельства смерти приходящей уборщицы – миссис Макгинти. При этом за обвиненного в убийстве, которому, по-видимому, отведена роль «козла отпущения», заступает сочувствующая ему девушка. Работа с материалами следствия приводит бельгийца к трагическим историям нескольких женщин, одна из которых (или ее потомство) замешана в произошедшем. При обыске среди вещей убитой находят молитвенник и Библию, а также «пророчества» Матушки Шиптон – предсказательницы XVI в. Урсулы Саутейл [3, с. 75]. Кристи слегка иронизирует над религиозными атрибутами, выставляя Пуаро «мучеником» [3, с. 32]. Религиозность отмечается как черта консервативного сельского общества, где по воскресеньям посещают церковь, а «пути Господни неисповедимы» [3, с. 284].

В библейских событиях в большинстве своем подразумевается совершенно определенный регион – территория Ближнего Востока. В романе ощущается восточный колорит, одна из героинь во время путешествия побывала в Ираке, в Багдаде, откуда и привезла заинтересовавшие Пуаро экзотические сувениры. Орудием убийства Кристи сделала изделие восточных ремесленников – сахарный молоток, упоминая при этом Иран (Персию), и восточную «свирепость» [3, с. 178].

Восточные мотивы появляются здесь по совершенно определенной причине. Писательница часто бывала на Востоке, в 1951 г. она публикует «Дорогу на Багдад»,

произведение со шпионской интригой. Причем в «Дороге» также прослеживаются библейские реминисценции: один из отрицательных персонажей уподобляется Люциферу-Сатане («Люцифером» Кристи назовет и героя «Вечеринки в Хэллоуин»), подстрекателю первых людей к нарушению запрета, исходящего от Бога – грехопадению в Эдемском саду, который некоторыми исследователями помещается в области Персидского залива [4, с. 72].

Согласно библейским текстам, Адам и Ева совершили большой грех, отведав плод с запретного Древа познания Добра и Зла. Интересно, что говоря об инспекторе Спенсе, Пуаро особенно выделяет его способность отличать светлое от темного [3, с. 13]. В обыденном сознании таинственный плод Древа познания стал ассоциироваться с яблоком, которое у Кристи превратилось в своеобразный символ ее соратницы по перу – вымышленной детективной писательницы Ариадны Оливер. Она «аккомпанирует» Пуаро во многих романах, есть она и в «Миссис Макгинти». Ева, если следовать за христианской традицией, навредила человеческому роду, дав плод Адаму и, тем самым, толкнув на грех и его. Яблоко буквально причиняет Пуаро боль: его огрызок врезается ему в щеку, вылетев из автомобиля неосторожной миссис Оливер [3, с. 105].

Символ дерева проходит красной нитью через многие произведения Кристи. Например, миссис Оливер утверждает, что обожает деревья, но еще раньше в «Убийстве в доме викария» с помощью дерева преступникам удается обзавестись железным алиби [3, с. 196]. Фамилия миссис Фоллиат (Folliat) в «Конце человеческой глупости» означает «лиственный» (Foliate) – эта дама выступает «ключом» к тайне смерти героини, через нее можно отделить добро от зла, узнать истину. «Древом познания» становится дерево, с которого девочка в «Вечеринке в Хэллоуин» наблюдает действия злодеев, познавая мир, открывая для себя то, что есть зло.

Сходство миссис Оливер с Евой не ограничивается яблоками. Подобно своенравной библейской женщине, мадам писательница чересчур уверена в своей правоте, помыкает при подходящей возможности мужчинами. Яркие черты ее внешности совпадают с описанием другой леди, уже носящей имя Евы – Евы Кейн: подобно миссис Оливер, она имеет растрепанные локоны, украшает свой образ шляпкой [3, с. 82-83, 105, 108]. Кристи усиливает сходство с прародительницей человечества, повествуя о погубленном Евой Кейн мужчине – Альфреде Крейге (Кристи позаимствовала это имя у своего любимого поэта Альфреда Теннисона). Кейн работала у Крейгов гувернанткой, как

и связанная с трагедией героиня «Десяти негритят». Крейг, конечно, не был абсолютно безгрешен, однако, устав от своей жены и влюбившись в «невинную» Еву, он пошел на преступление. Законная супруга исчезает, а затем обнаруживается закопанной в подвале [3, с. 78-79]. Действительно, в древних текстах сказано, что у Адама до Евы была другая возлюбленная, но он ее бросил.

Тяжелое наследие Евы ложится не только на госпожу Кейн. Не менее запятнаны и другие женщины, выведенные Кристи в романе – ««Лилия» с секачом», «распутная бабенка» [3, с. 78, 87, 93]. Хозяйка Хантерс-Клоуз изображена как «яд в сахарной оболочке», а журналистка, автор мелодраматичных статей, походит на гренадера [3, с. 84, 283]. Представительницы женского пола показаны хитрыми, изворотливыми, «безжалостными», умело притворяющимися, в чем Кристи отчасти «обвиняла» викторианских дам [2, с. 51]. Они ловко пользуются косметикой, до неузнаваемости меняя облик (размышления подобного плана терзают капитана Артура Гастингса в серии «Ограбление в миллион долларов» «Пуаро Агаты Кристи»). Даже мсье Эркюль подвергся влиянию их чар [3, с. 52]. «Ох уж эти женщины! – вздыхает один актер в разговоре с миссис Оливер. – Многие из них – настоящие чудовища!» [3, с. 194]. Именно женщина, как подозревает господин Саммерхейз, могла так толкнуть бельгийца, что это чуть не стоило ему жизни [3, с. 276].

Умение притворяться, играть свою роль – важная особенность женщины. Впрочем, не только слабый пол, но и пол сильный пользуется этим, правда, не столь виртуозно. А вот Ева Кейн, по признанию полицейского чина, была превосходной актрисой [3, с. 125]. Кристи в «Миссис Макгинти» часто использует театральные словечки, к примеру, «смена декораций» и пр. Ее романы нередко напоминают нам о театре, ибо театр разыгрывался в самом обществе, творился в нем: «Нынешняя жизнь – это сплошной театр, богема» [3, с. 6]. В «Миссис Макгинти» романистка касается и театрального закулисья: если сам спектакль отмечается в позитивных выражениях, «изнанка» театра выглядит гораздо менее привлекательной [3, с. 194–196].

В театральных воспоминаниях проявились личные впечатления романистки, которая участвовала в написании и постановке пьес по собственным произведениям [6]. При этом миссис Оливер негативно отзывается о том, чтобы кто-то «взял» ее персонажей и начал заставлять их вести себя несвойственным им образом [3, с. 155]. Как ни печально, после смерти Кристи и ее дочери подобное все-таки произошло: внук леди Агаты, Мэтью

Причард (Mathew Prichard), стоявший во главе Agatha Christie Ltd, разрешил «подстроить» кое-что под реалии времени. С 2014 г. Софи Ханна начала выпускать продолжение историй о Пуаро [14]. Видимо, мистер Причард недостаточно внимательно читал романы бабушки, или же коммерческий интерес заслонил собой все этические сомнения. В рассуждениях Кристи о писательской доле, которые характерны для романов с участием миссис Оливер, проскальзывают колкости в адрес некоторых издательств. Так, литературные «поделки» госпожи Ариадны выпускает реальное издательство «Пингвин» (Penguin Books) [3, с. 142] (Кристи публиковалась в основном в Dodd Mead and Co, Collins Crime Club, Pocket Books, Fontana Books, Pan Books).

Лишено особых восторгов и отношение Кристи к кинематографу. Миссис Макгинти, к слову, сама не слишком его жаловала, в кино ходила редко. Говоря о кино Пуаро перечисляет неудачную операторскую работу, сюжет, «сметанный на живую нитку», сплошь – «глухое раздражение» [3, с. 5]. В инвективе, которая прокручивалась в голове бельгийца, надо видеть не только дань старым порядкам, близким духу пожилого детектива, но и нечто иное. Прислушаться к словам сыщика стоит, ибо писатели «изобретают себе спутников и говорят их устами» [3, с. 195]. Многие из написанного Кристи легче понять, если взглянуть на все это сквозь «стеклышко» ее разбитой семейной жизни. В 1949 г. ее бывший муж Арчибальд («Арчи») Кристи, с которым писательница когда-то пережила тягостное расставание, устроился на работу в «корпорацию развлечений» The Rank Organization, которая, в том числе, участвовала в производстве фильмов [12, с. 326]. Сей факт мог сказаться на чаще всего негативном мнении писательницы о киноплощадках своих детективных сюжетов.

После грехопадения Всевышний наказал провинившихся, заставив Адама в поте лица добывать хлеб насущный, а Еву – в муках рожать детей. В доме миссис Саммерхейз царит страшная суматоха, неразбериха, сумятица, семье приходится в сложных условиях непростого времени добывать себе пропитание, беря в старинный дом (гордость древнего рода) постояльцев за плату [3, с. 38]. Сложное положение Веры Блейк побуждает ее воровать, подбивая на это собственное потомство. Кристи вообще заставляет задуматься над сущностью мира, в котором мы живем – мира, где правят деньги, мира расчета и материального [15, с. 301]. В свою очередь мсье Эркюль не согласен с точкой зрения, согласно которой все меряется только деньгами [3, с. 249].

Перечисляя всякие мелочи, хлам, которым забиты некоторые дома, писательница клеймит культ потребления. В предметах быта затаилось зло, а в том, что было куплено – тайна, опасность. Писательница видит в личных вещах как-бы отражение самих героев, их внутреннего «содержимого». Так, зловещий кофейник на каминной полке в доме миссис Уэтерби отражает внутреннее скрытое неблагополучие членов этого семейства. Кофейник напоминает хищную птицу, и рука миссис Уэтерби, сжавшаяся в клешню, походит на когтистую лапу стервятника [3, с. 96, 99]. Но в то же время вещи могут навести на верный след: например, завернутые в газету туфли направили мысли Пуаро по верному пути [3, с. 76] (кстати, туфли стали важным «путеводителем» в романе «Раз, два – пряжку застегни»). Меркантильный подход провоцирует преступления, орудие убийства было куплено на распродаже «Приноси и покупай» [3, с. 173-174]. Несчастный, обвиненный в убийстве миссис Макгинти, не мог долгое время найти работу, а стоимость жизни при этом все время растет.

И в это сложное время Лейбористская партия тратила огромные средства на проведение широкомасштабных народных гуляний, получивших название «Festival of Britain» (1951 г.). Одним из аттракционов этого мероприятия стала выставка о Шерлоке Холмсе [8, с. 79]. Видимо, именно она породила первые робкие мысли Кристи об игре в детективов на всеобщем народном празднестве в романе с говорящим названием «Конец человеческой глупости» (1956 г.). Но уже в «Миссис Макгинти» содержатся очевидные наброски будущей идеи: Робин Апуорд предлагает миссис Оливер спланировать «убийство» в их местечке, увлеченно обдумывая, кто может стать жертвой, а кто – подозреваемыми [3, с. 149-152].

Адам добывал хлеб землепашеством – труп миссис Макгинти обнаружил хлебопек, а суетливые Саммерхейзы завели для прокорма огородик и фруктовый сад [3, с. 60, 44]. Помимо этого, Адам охотился, раздобыв для себя и Евы одежду из шкур, – вкусив плод познания добра и зла, они осознали, что наги. Охоте уподобляет поиски преступника Пуаро, усы которого названы «крупнокалиберными» [3, с. 284]. Он вспоминает, что однажды его пригласили на охотничью забаву: эти сцены вставили в серию «Тайна охотничьего дома» создатели сериала «Пуаро Агаты Кристи». «Побочным» продуктом охоты становится и дичь, которая была случайно поднята во время преследования основной цели [3, с. 132].

Обратим внимание – как и в «Убийстве в Хантерс-Лодж», в «Миссис Макгинти» убийца выдает себя за кого-то другого, создавая ложного подозреваемого с целью направить следствие по ошибочному следу. Важной вспомогательной силой охоты являются собаки, которых в романе предостаточно [3, с. 145]. Они способствуют выведыванию необходимых сведений, как это было в «Немом свидетеле». В «Миссис Макгинти» присутствует любопытный «кадр»: пес обнюхивает чертополох, а затем мочится на него [3, с. 145]. Чертополох – эмблема Шотландии, шотландскую фамилию носил первый неверный муж леди Агаты.

Лора Апуорд, родив ребенка, теряет его, но материнский инстинкт велит ей кого-то усыновить, что в дальнейшем стоит ей жизни – ее подопечный Робин Апуорд расправляется со своей приемной матерью. Описание обнаружения ее тела – одно из самых впечатляющих в романе. Кажется, Кристи создала его для кинематографа, фильма в стиле саспенс, триллер, нуар. Мисси Оливер бредет во тьме, в полумраке видит силуэт женщины и думает, что она спит. Как оказывается, спит вечным сном [3, с. 196-197]. Служанка находится в доме, но она ничего не слышит, безмятежно предаваясь сновидениям [3, с. 199], – как в рассказе «Квартира на четвертом этаже». Сцена с чем-то неприятным, угрожающим, жутким, таящимся во мраке, на которое натывается героиня, была использована Кристи в романе «Десять негрятят».

Темная печать как будто сохраняется на детях, орудие убийства сравнивают с «детской игрушкой» [3, с. 172]. И без того непростая жизнь Саммерхейзов усложняется с приездом к ним на каникулы «ребятишек», тон капризного дитяти – у злодея [3, с. 44, 176]. «Плодитесь и размножайтесь» не подходит в качестве девиза для миссис Оливер, которая не очень любит людей (мизантропия, по всей видимости, присуща и самой Кристи, ею в некоторой степени объясняется изоциренная почти «бескровная» жестокость романов об убийстве) [3, с. 196].

Вдобавок, романистка рисует читателю некрасивую сцену детской жестокости: сорванцы мучают несчастную кошку [3, с. 146]. «Котом-мучеником» оказывается и Пуаро – миссис Оливер вспоминает о своем романе «Кто же умер – умер кот» [3, с. 142], а детектив-бельгиец с кошачьими повадками несколько раз оказывается на волосок от гибели. Наконец, Робин Апуорд предлагает Оливер «убить» ее сыщика Свена Хьерсона, и выпустить книгу после смерти. На это писательница возражает – зачем же «после», деньги ведь нужны сейчас [3, с. 175]. Мимо этого эпизода не прошел блогер Крис Паркл, от

которого не ускользнуло: роман «Занавес. Последнее дело Пуаро» вышел до смерти Кристи [11].

Грех словно передается через поколения, что, кажется, подтверждает и генетика. Незадолго до выхода «Миссис Макгинти», в 1951 г., исследованиям ДНК был придан новый импульс, проходили эксперименты в Кембриджском университете (Френсис Крик). Прорывными в 1952 г. стали лабораторные опыты американцев Альфреда Херши и Марты Чейз, а также Раймонда Гослинга – достигнутые ими результаты становятся общедоступными, подстегивают дискуссию о генах и их влиянии на человека [5, с. 304]. Неслучайно в «Миссис Макгинти» одним из центральных сюжетных «завихрений» становится поиск потомства порочной Евы Кейн и замешанных в трагических делах женщин: ребенок такой матери мог унаследовать ее наклонности. Показателен разговор о наследственности, состоявшийся с участием миссис Саммерхейз, миссис Апуорд и Пуаро [3, с. 159-160].

Представляется, что сама Кристи все-таки не слишком верила в непогрешимость «народной» генетики, она скорее отдавала дань моде, ведь одна из героинь, которая должна была унаследовать дурную наследственность Крейга, на деле оказалась добропорядочной мисс [3, с. 278]. Но ведь и Господь, наказав первых людей, дал им надежду на спасение. Спасение получила и мятежная Ева Кейн, уехавшая за моря и поменявшая фамилию, ставшая впоследствии «Хоуп» (то есть «Надеждой»).

Неоднозначное отношение Кристи к детям, ее внимание к историям трагической семейной жизни опираются на чугунные столбы ее собственной биографии. Освежим в памяти некоторые общеизвестные, но примечательные моменты. Итак, в 1919 г. у леди Агаты родилась дочь Розалинда Маргарет Кларисса Кристи (Причард-Хикс в замужестве), а в 1928 г. ее супруг Арчибальд Кристи уходит из семьи, оставляя писательницу-жену с несовершеннолетним ребенком. «Она ведь была жуткая дрянь – дети это чувствуют!» – встречаем в романе строчку о стерве-разлучнице [3, с. 279]. Ушел же «Арчи» к довольно молодой привлекательной особе [10, с. 38]. Эти психологически трудные события могли нанести темную амальгаму на отношение Кристи к детям, их воспитанию, семье, вертким девицам и мужчинам. Выбор спутника жизни чреват опасностями, как в мифе о троянском царевиче Парисе, избравшем любовь, но при этом получив отчизну несчастья [3, с. 284]. Неслучайно в «Миссис Макгинти» возникает образ разбившей чужую семью, оказавшейся

без мужа с ребенком на руках Евы Кейн – от его создания Кристи, думается, получила совершенно определенное злорадное удовольствие.

История Адама и Евы принадлежит прошлому. В романе явно ощущается ностальгическая струя – Кристи называет «трогательным» сохранение феодальных порядков в британской деревне, да и вообще многие люди продолжают жить прошлым [3, с. 218, 103]. Не изменяя традиции, романистка склоняется к консервативным устоям, а либералом она делает убийцу – Робина Апуорда [3, с. 149]. Анализируя причины, по которым дамы могут хранить свои старые фотографии, сыщики говорят о женском тщеславии, о попытке не забыть свою давнюю юную красу [3, с. 229]. Интересно, что рассуждение о женских фотопортретах, похожее на строки из «Миссис Макгинти», присутствует в «Автобиографии» Кристи [2, с. 197]. Прошлому принадлежит и Пуаро, старомодная мораль которого не позволяет «приударить» за молоденькими девушками. Впрочем, Кристи, устами миссис Оливер, объясняет, почему детектив так и не был замечен в любовной интрижке – он просто слишком дряхл для этого [3, с. 139].

Прошлое все еще играет важную роль в жизни людей. Его следует забыть, но не у всех получается. Не ведет ли Кристи диалог с самой собой? Ведь и ей стоило бы попрощаться с канувшим в Лету. Удивительно, насколько крепко держали воспоминания саму романистку: к примеру, в романе «Конец человеческой глупости» злодей скрывается под именем Джордж – в церкви Св. Георгия (St George's, Hanover Square) «Арчи» сочетался браком со своей любовницей, а храм, под которым похоронена прежняя жена сэра Джорджа – почти реплика англиканского храма с колоннами на Ганновер-сквер [10, с. 38]. Что же до нашего романа, умерла не миссис Макгинти, это писательница пыталась расстаться со своей прошлой жизнью.

Из рода Адама и Евы были, как известно, Каин и Авель. В «Миссис Макгинти» мы видим двух основных персонажей, вокруг которых и разворачиваются события. Обвиненный в убийстве уборщицы Джеймс Бентли не похож на ангела, он не вызывает доверия, его внешние данные отталкивают [3, с. 54]. И, однако же, он – невинный Авель. Об этом свидетельствует не его внешний облик, но его поступки: преданность матери, помощь попавшей в капкан собаке [3, с. 147]. Зато «симпатяга» Робин Апуорд (помимо прочего известный как Ивлин Хоуп) на деле оказывается испорченным и злобным Каином. Он – душа компании, миляга и в общем крайне обходителен. Но именно ему

Кристи отводит роль убийцы. Она еще раз подтверждает расхожую истину о том, что внешность обманчива.

Нужно сказать, здесь Кристи использует свой излюбленный прием с именами, а также «подменой», «перевертышем». Так, например, Пуаро предполагает, что имя Ивлин (Ив, Ева), под которым знали ребенка Евы Кейн, могло принадлежать не девочке, а мальчику (как и в романе «Объявлено убийство», в котором таинственного родственника миссис Блэклок звали Пип, и он оказался не того пола, как думали многие). Ведь Ивлин – имя не только женское, но и мужское [3, с. 269]. Здесь, похоже, кроется намек на товарища Робина по писательству Ивлиана Во.

Примечательный нюанс – миссис Оливер будто случайно произносит «как Вильгельм Телль – только наоборот», что фактически оказывается подсказкой для решения всей задачки [3, с. 111]. Своего рода «двойная» природа убийцы просматривается даже в месте его проживания – Лэбернемс представляет собой два соединенных вместе коттеджа. И возникает вопрос, сколько же в романе «Ев» на самом деле? Ибо Робин Апуорд наделен женоподобными чертами, миссис Апуорд отзывается о нем как о «дочке», его голос обозначен как «тенорок» [3, с. 113-114].

Истоки сюжета «Миссис Макгинти» с участием работницы, «скребущей полы» в богатых домах, навеяны пьесой Джона Голсуорси «Серебряная коробка» («Серебряная шкатулка», *The Silver Box*) 1907 г., которая и упоминается в романе [3, с. 161]. Возможная причина этого – не только в классичности произведения и созвучности его идей мыслям Кристи, но и в том, что в 1949 г. на телевидении транслировался фильм по «Коробке» [13]. Согласно задумке Голсуорси, муж приходящей уборщицы в богатом доме, сговорившись с сыном богачей, в шутку крадет мелочь и серебряный портсигар. Когда все обнаруживается, богач избегает наказания, в то время как на безработного бедняка обрушивается Закон во всей своей грозной мощи. Он оказывается приговорен, получает срок. В отличие от пьесы Голсуорси, в романе Кристи для угнетенного элемента мелькает луч надежды на лучшую судьбу.

«Миссис Макгинти с жизнью рассталась» вряд ли можно отнести к безусловным успехам Агаты Кристи. Это во многом «проходной» роман, с немного шаблонными героями и многочисленными самоповторами. В то же время здесь мы воочию наблюдаем зрелое мастерство писательницы, которая умело расставляет ловушки и ложные ходы, мастерски собирает из разрозненной мозаики прошлых произведений нечто новое.

Своими «неожиданными» поворотами сюжет походит на стандартную «мыльную оперу», однако интрига, хотя и не блещет особой оригинальностью, незаметно увлекает – и хочется дочитать историю до конца, разобраться, так в чем же там дело. Дело же заключается в обычных человеческих слабостях, кульбитах судьбы, грехе и несчастьях, которые вечны, как и человеческий род. Современные пертурбации романистка рядит в одеяние древней библейской легенды, которая никогда не потеряет актуальности. Лукавая Ева – это водящая читателя за нос Агата Кристи, потомством которой являются героини ее многочисленных романов.

Библиографический список:

1. Богатырев А. В. Энциклопедия Эркюля Пуаро. М.: Перо, 2021. 282 с.
2. Кристи А. Автобиография. М.: Вагриус, 2001. 637 с.
3. Кристи А. Миссис Макгинти с жизнью рассталась. М.: АСТ, 2003. 285 с.
4. Раевский В. Ранняя история человечества: популярное изложение библейской истории с современных позиций. Нью-Йорк: Слово/Word, 2009. 304 с.
5. Тузова Р. В. Молекулярно-генетические механизмы эволюции органического мира. Генетическая и клеточная инженерия / Р. В. Тузова, Н. А. Ковалев. Минск: Беларуская навука, 2010. 395 с.
6. Green J. Agatha Christie: The Life in Theatre. London; New York: HarperCollins, 2015. 688 p.
7. Hafdahl M. The Science of Agatha Christie: The Truth Behind Hercule Poirot, Miss Marple, and More Iconic Characters from the Queen of Crime / M. Hafdahl, K. Florence. New York: Skyhorse Publishing, 2023. 216 p.
8. Mazzeno L. The Critical Reception of Sir Arthur Conan Doyle: Sherlock Holmes and Beyond. Rochester, New York: Camden House; Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2023. 318 p.
9. Mrs McGinty's Dead [Electronic resource] // Wikipedia. The Free Encyclopedia. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Mrs_McGinty%27s_Dead (accessed date: 25.09.2023).
10. Murdoch D. The Agatha Christie Mystery. Toronto, ON: Pagurian Press, 1976. 192 p.

11. Parkle Ch. The Agatha Christie Challenge – Mrs McGinty’s Dead (1952) [Electronic resource] // The Real Chrisparkle. Available at: <https://therealchrisparkle.com/2020/03/06/the-agatha-christie-challenge-mrs-mcgintys-dead-1952/> (accessed date: 25.09.2023).
12. The Bedside, Bathtub & Armchair Companion to Agatha Christie / ed. D. Riley, P. McAllister, B. Cassiday. New York; London: Continuum, 2001. 384 p.
13. The Silver Box (1949) [Electronic resource] // IMDb. Available at: <https://www.imdb.com/title/tt4507818/> (accessed date: 25.09.2023).
14. Thompson L. The Monogram Murders by Sophie Hannah – A New Case for the Belgian Master Detective [Electronic resource] // The Guardian. 9 September 2014. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2014/sep/09/monogram-murders-sophie-hannah-hercule-poirot-agatha-christie-novel-review> (accessed date: 25.09.2023).
15. Zemboy J. The Detective Novels of Agatha Christie: A Reader’s Guide. Jefferson, NC: McFarland, 2016. 448 p.

Bogatyrev A.V. **The Shadow of Biblical Eve in Agatha Christie’s Novel «Mrs McGinty’s Dead»**

The article explores one of Agatha Christie’s detective novels about Hercule Poirot, in which modern problems are comprehended through the ancient legend of Adam and Eve. The image of Eve is embodied not only in the form of Eve Kane, but also in other female characters, each of whom keeps her own deadly secret. It turns out that the source of some elements of the plot of «Mrs McGinty’s Dead» was John Galsworthy’s play «The Silver Box», in turn, «Mrs McGinty» influenced the plan of the novel «Dead Man’s Folly».

Keywords: crime fiction, history of Great Britain, Agatha Christie, Hercule Poirot, «Mrs McGinty’s Dead», Bible, Adam and Eve.

УДК 7.094

А.М. Силаева

Особенности адаптации литературного текста во французском и американском кинематографе (на примере экранизации романа А. Дюма «Три мушкетера» в фильмах Дж. Сидни и Б. Бордини)

Аннотация:

В статье рассматривается трансформация теории драматургии в процессе экранизации литературных произведений, представлен анализ различных подходов классического Голливуда и более позднего французского кинематографа при создании массовых зрительских фильмов. Проводится сравнение конфликтов, значимых эпизодов, образов главных персонажей, а также драматургических акцентов, отражающих национальный менталитет в фильмах «Три мушкетера» Дж. Сидни и Б. Бордини.

Ключевые слова: киноадаптация, драматургия, экранизация, структура, кульминация, завязка, А. Дюма, Три мушкетера, арка героя.

Об авторе: Алена Михайловна Силаева, НИУ ВШЭ, студент факультета креативных индустрий направления «Кинопроизводство»; эл. почта: amsilaeva@edu.hse.ru

Научный руководитель: Камилл Спартакович Ахметов, НИУ ВШЭ, приглашенный преподаватель факультета креативных индустрий, Института медиа; эл. почта: Kamill.Akhmetov@hotmail.com

Многие литературные произведения были созданы до появления кинематографа. Изначально литература не была предназначена для того, чтобы ее сюжеты экранизировались, поэтому рано или поздно перед авторами фильма встает вопрос: чем пожертвовать – основами драматургии или оригинальным сюжетом произведения. Для того, чтобы этот вопрос был менее острым, используется адаптация – отдельная дисциплина, призванная соблюсти интересы как авторов книги, так и создателей фильма.

Исследования проблем киноадаптации литературного текста, как правило, сосредоточены на вопросах визуализации литературного текста классических авторов, например, в работах рассматриваются приемы экранизации произведений И. Бунина, М. Булгакова и других авторов [2; 13; 9]. Еще одно направление – исследование вопросов киноадаптации литературных произведений в иноязычной культуре [10]. Сравнительный анализ киноадаптаций чаще отсылает нас к сопоставлению экранизаций одного и того же источника в разные эпохи и реже захватывает проблемы соотношения с основами национального менталитета – работы Дмитрук Т.И., Левиной Л.А., посвященные сравнению киноадаптаций и трагедий У. Шекспира, романов Т. Мэлори и У. Голдинга [4; 8; 6].

Сюжет романа «Три мушкетера» А. Дюма основан на взаимодействии группы друзей и внешнего мира. Для кинематографа любой страны такие истории весьма привлекательны. Стоит учитывать, что традиции кинематографа уходят корнями в культуру страны, имеющей свою специфику. Сравнительный анализ экранизаций, которым посвящена наша статья, показывает отличия между восприятием первоисточника в американской и французской культуре середины XX в. Автор работ по искусству адаптации сценарист Л. Сегер определяет последнюю как «переход, превращение из одной среды в другую» [14]. В случае кинематографа это переход из литературы в кино, из чисто временного в пространственно-временное искусство.

Структура в драматургии

Прежде чем приступить к разбору экранизаций, проясним основные аспекты драматургии: почему режиссер счел нужным использовать тот или иной прием в конкретном случае. В драматургии принята трехактная структура [1]. В первом акте обычно присутствуют экспозиция (2) – изложение обстоятельств, в которых возникает борьба, и завязка (3) – исходное, данное в экспозиции, нарушается, в результате чего возникает основной конфликт [7], иногда в самом начале есть пролог (1). Далее следует первый переломный пункт (ППП), за ним – второй акт, который полностью состоит из развития сюжета (4;5). В середине второго акта есть центральный переломный пункт (ЦПП). После второго акта следует второй переломный пункт (ВПП), а за ним – третий акт, состоящий из кульминации (6) и развязки (7).

Для упрощения восприятия хронологическая шкала фильма изображена на рисунке 1.

Условные обозначения:

ППП - первый переломный пункт	1 - пролог	4 и 5 - развитие сюжета
ЦПП - центральный переломный пункт	2 - экспозиция	6 - кульминация
ВПП - второй переломный пункт	3 - завязка	7 - развязка

Рис. 1. Хронологическая шкала фильма

Драматургический анализ обеих экранизаций

Американская и французская экранизации романа А Дюма обладают существенными различиями по всем пунктам структуры. Однако в рамках нашей статьи рассматриваются различия в двух основных составляющих – завязке и кульминации. Разница в этих составляющих ярко отражает различие в подходах, свойственных разным национальным культурам при визуализации ключевых эпизодов первоисточника.

Визуализация завязки. Американский фильм

Визуализация американской адаптации характеризуется резким и четким началом конфликта, который связан с тем, что главный герой - д'Артаньян не ожидает появления герцога Бекингема в Париже накануне войны с Англией, как и того, что ему придется участвовать в интриге против кардинала и короля. Дж. Сидни с первой минуты максимально удерживает внимание зрителя, насыщая завязку активными действиями.

<i>Герой</i>	<i>Значение в произведении</i>
д'Артаньян	главный герой, протагонист первого основного конфликта
Атос	протагонист второго основного конфликта
Миледи	антагонист обоих конфликтов

Таблица 1. Герои и их значение в произведении

После экспозиции становится ясно, что на протяжении фильма будет еще много сцен с дуэлями и схватками, поэтому нет смысла обращать значительного внимания на каждую их них. Режиссер вовлекает зрителя в историю в качестве стороннего наблюдателя, который может более или менее здраво посмотреть на конфликты и на то, как герои их разрешают. В американском фильме у режиссера мало времени, чтобы заинтересовать зрителя – самая суть завязки занимает около четырех минут, поскольку антагонист – Миледи – появляется достаточно быстро, чтобы был ясен конфликт: она должна выполнить поручение кардинала, идущее вразрез с целями главного персонажа.

Французский фильм

Завязка французской адаптации не содержит ярко выраженного конфликта. Происходит множество разных событий, прежде чем зритель может четко понять, в чем состоит конфликт и как различаются цели протагониста и антагониста. Б. Бордери постепенно погружает зрителя в историю д'Артаньяна и его мироощущение, изначально лишь намекая на возможность конфликта в перспективе. Техника вовлечения зрителя во французской экранизации отличается от американской – зритель вместе с героем постепенно, как бы исподволь, доходит до понимания сути конфликта. Действие происходит неторопливо, а завязка длится около двадцати минут ввиду наличия нескольких сложных для визуализации сцен. В завязку входит достаточно длительная сцена Миледи и Рошфора, когда тот передает поручение кардинала похитить подвески. Присутствуют несколько сцен, акцентирующих внимание на второстепенных линиях, но делающих завязку развернутой, объемной и постепенной.

Визуализация кульминации

Отличительной чертой кульминации романа «Три мушкетера» оказывается то, что, начиная с середины романа (гл. XXII), постоянно действует антагонист и очень мало протагонист. Принципиально важно, что протагонист отходит на второй план, и дает возможность антагонисту сделать последний рывок в борьбе – Миледи сбегает из замка лорда Винтер и совершает два убийства. Поэтому можно в полной мере обосновать действия протагониста, направленные на физическое уничтожение антагониста в кульминации и развязке.

Самым важным и интересным моментом в фильме принято считать кульминацию. Это точка наивысшего напряжения для героев, тот момент, где разрешается конфликт, который развивался на протяжении всего фильма [7; 3]. Зритель всегда интуитивно

чувствует, когда происходит кульминация. В экранизациях, как и в первоисточнике, наиболее напряженными моментами оказываются смерть Констанции и казнь Миледи. Эти эпизоды в американской версии выглядят совсем иначе, нежели во французской. Единственное, что их объединяет – способ убийства Констанции, поскольку оба режиссера решили, что героиня должна погибнуть не от яда, как в первоисточнике, а от кинжала.

Кульминация в американском фильме

В американском фильме кульминация начинается со сцены, где уже раненая Констанция приходит в свою комнату. Максимально острым этот момент делают три классических приема для создания саспенса: зритель не видит лица героини из-за капюшона, она не произносит ни слова, в конце видна кровь на руке. Далее события развиваются стремительно – появляются д'Артаньян и Атос, умирает Констанция, мушкетеры говорят последнее слово перед казнью Миледи, которую позднее уводит палач. Как и в первоисточнике, конфликт разрешается полной победой протагонистов обоих основных конфликтов – д'Артаньяна и Атоса. Можно утверждать, что голливудские создатели фильм предпочитают напряжение и драматичные ракурсы соблюдению фактической точности. Это дает им возможность показать всю историю под другим углом и расставить более привычные для американского зрителя акценты.

В фильме д'Артаньян ярко демонстрирует свой характер в кульминационной сцене – сцене смерти Констанции – это «его» сцена. До этого герой не производит впечатление сердобольного человека, но здесь проявляет настоящее сочувствие, зритель замечает его боль. Однако он практически не участвует в сцене казни Миледи, что в эмоциональном плане не соответствует первоисточнику: «Эти крики (миледи) до такой степени надрывали душу, что д'Артаньян, бывший до сих пор самым ожесточенным преследователем Миледи, опустился на ближайший пень, наклонил голову и заткнул ладонями уши...» [5].

Интересная и весьма существенная деталь: протагонист второго основного конфликта – Атос – в этом эпизоде бездействует, в противоположность д'Артаньяну. Зритель также видит его крупный план, но лицо выражает горькое сожаление и разочарование. Действия Атоса наблюдаются только в сцене происходящей в комнате Миледи, откуда два главных героя уводят ее силой. Скорее создается нарочитая, пугающая театральность. Таким образом, несмотря на то, что кульминация в

американском фильме не в полной мере отражает все эмоции героев, она показывает, как в голливудском формате принято изображать такие моменты. Американским режиссерам свойственно делать их демонстративно – зачастую для того, чтобы максимально большое число зрителей лучше восприняли важнейший момент фильма.

Кульминация во французском фильме

Кульминация во французском фильме по хронометражу и порядку сцен не значительно отличается от американской версии. Однако ее содержание демонстрирует принципиально другую, авторскую позицию режиссера. В фильме Бордери от первоисточника отличается не только сцена смерти Констанции, но и непосредственное разрешение двух основных конфликтов. Например, режиссер сделал сцену смерти Миледи более насыщенной, связав ее напрямую с протагонистом второго основного конфликта – Атосом. Исходя из развития драматургии фильма, в этой кульминационной сцене активно действовать и принимать решения должен был протагонист первого основного конфликта – д'Артаньян. Это было бы более естественно и ожидаемо согласно развитию фильма. Однако, режиссер продемонстрировал авторское видение и предпочел показать смерть антагониста как нечто привычное для той эпохи, возможно, желая подчеркнуть особую жестокость такого поступка со стороны мушкетеров.

Во французском фильме д'Артаньян практически не участвует в обеих кульминационных сценах, несмотря на то, что для него они так же жизненно важны, как и для антагониста. д'Артаньян даже не видит смерти Констанции, хотя в первоисточнике это условно можно назвать вторым переломным пунктом (см. рис. 1), плавно переходящим в кульминацию. Главного героя нет и в сцене казни Миледи. Наоборот, на первый план выходит протагонист второго основного конфликта – Атос. Он решает собственноручно расправиться с Миледи, хотя это полностью противоречит характеру персонажа. Таким образом, режиссер как бы подчеркивает отстраненность д'Артаньяна в тех главах первоисточника, где описан суд над Миледи. Вместе с тем взгляд французского режиссера можно связать с отношением к смертной казни во Франции, последняя из которых датируется 1977 г., тогда как фильм был снят в 1961 г.

Отличия протагонистов и антагонистов в экранизациях

Чтобы выяснить отличия персонажей в американском и французском фильмах, нужно снова вернуться к теории и подробнее пояснить некоторые термины. Протагонист – это, как правило, главный герой произведения. Основное «качество» протагониста – его

цель [3]. Зачастую в истории протагонистом выступает тот, с кого эта история начинается. В произведении А. Дюма читатель знакомится с главным героем – д'Артаньяном – с первых же строк. Антагонист – герой (Миледи), которой противостоит протагонисту (д'Артаньяну) в достижении своей цели.

Цель у протагониста должна быть одна – конкретная, достижимая, релевантная, измеримая и ограниченная по времени, к которой он идет на протяжении произведения. Протагониста можно охарактеризовать с помощью внешности, интеллекта, финансового, семейного и социального положения, интересов, ценностей и моральных устоев. Протагонист проходит через арку (личностный рост, преодоление внутреннего конфликта), достигая (или не достигая) своей цели, меняясь в ту или иную сторону и решая внутренний конфликт, который неразрывно связан с его аркой.

В работе «Создание арки персонажа» К. Уэйланд разделяет арки на три основных типа: положительные, плоские и отрицательные¹. Положительная арка – наиболее популярна, чаще всего вызывающая сильное сопереживание. Изначально главный герой испытывает ту или иную степень неудовлетворенности, в течение истории он будет вынужден пересмотреть взгляды на самого себя и на мир, а в итоге победит «внутренних демонов» (а заодно, вероятно, и внешних соперников), тем самым завершив арку в финале, изменившись положительным образом.

Плоская арка характерна для персонажей, к образу которых особенно нечего добавить. Они уже герои и не нуждаются в заметном личностном росте, чтобы достичь внутренней силы для победы над внешними врагами. Эти персонажи практически не меняются на протяжении всей истории, что делает их арки статичными, или «плоскими». Такие герои выступают катализаторами для изменения мира в истории, делая более яркой эволюцию второстепенных персонажей.

Отрицательная арка предлагает, пожалуй, больше всего вариантов – хотя на базовом уровне это положительная арка, перевернутая с ног на голову. Вместо героя, который учится на своих ошибках и становится лучше, отрицательная арка представляет персонажа, который в конце истории оказывается хуже, чем в начале.

¹ В российском сценарном лексиконе также распространен термин «дуга» (героя, характера, персонажа), который в этом случае синонимичен «арке», – прим. ред.

Арка д'Артаньяна

Можно утверждать, что арка д'Артаньяна в фильме Дж. Сидни – «отрицательная арка разочарования», поскольку, пройдя много этапов, герой меняется и добивается своей изначальной цели (стать мушкетером), избавляется от главного врага, однако его мироощущение становится негативным [9]. В фильме большое количество экранного времени отведено действию, а не рефлексии и отступлениям, когда читатель может напрямую или подсознательно анализировать переживания главного героя. Чтобы понять, какая арка присутствует в произведении, сравним модели поведения героя в начале истории и в конце – завязке и развязке.

На стадиях развития сюжета образы д'Артаньяна в первоисточнике и экранизации голливудского режиссера практически совпадают. На это сильно влияет игра голливудского актера Дж. Келли, которая особенно сказывается в конце фильма – в том самом моменте, где нужно показать переход от позитивного мироощущения к негативному. В экспозиции герой показан неопытным молодым человеком, который смотрит на мир сквозь «розовые очки». Это прослеживается в диалогах с де Тревилем и мушкетерами. Особенно заметна неискушенность молодого д'Артаньяна в яркой сцене с кардиналом, когда гасконец отказывается от предложения Ришелье перейти на его сторону. В кульминационном эпизоде зритель наблюдает короткий крупный план, где глаза актера чуть ли не наполняются слезами, что позволяет зрителю осознать, что герой никогда не будет прежним, а настроение картины пессимистично [11].

Во французском фильме Б. Бордери герой проходит плоскую арку. Выбранный на роль д'Артаньяна Ж. Баррэ безусловно влияет на восприятие его персонажа: мимика и выражение лица почти всегда одинаково ироничны, иной раз в них проскальзывает даже сарказм. Актер создает весьма реалистичное впечатление, что его герой всегда знает, что делает, поэтому зрителю бывает сложно понять – блефует он или нет. В истории, где герой проходит плоскую арку, в большей мере интересны его действия и принятые решения, нежели внутренние переживания и развитие (деградация).

В частности, это демонстрируется в фильме 1961 г.: д'Артаньян всегда смел, находчив, выходит сухим из воды, а ключевые моменты, которые могли бы раскрыть его личность, сокращены, сильно изменены или вовсе отсутствуют. В экспозиции герой показан отнюдь не так, как герой романа – д'Артаньян четко знает, что делать в двусмысленном конфликте с Рошфором, словно он попадает в него не первый раз; к

капитану он является уверенным в себе и совершенно не огорчается тому факту, что он должен отслужить два года гвардейцем; «в гостях» у Миледи он не нервничает и знает наперед каждый шаг врага.

На протяжении всего фильма д'Артаньян действует как интересный персонаж, но заметны лишь его действия во вне, а не внутренние изменения. И в кульминации, и в развязке это подтверждается – герой не видит смерти Констанции, не участвует в суде над Миледи, не находится с друзьями во время исполнения приговора. В фильме не показаны его реакции, а зритель не может понять, каким образом они повлияли на героя. д'Артаньян как будто не нуждается в личностном росте – история и так выглядит самодостаточной.

Возможно, решение показать главного персонажа таким было принято в попытке сделать д'Артаньяна национальным героем, недостатки которого должны быть, конечно, нивелированы. Роман, написанный в 1844 г., считается большей частью культурного наследия Франции, поэтому желание его экранизировать вполне естественно. В американском фильме д'Артаньян, наоборот, показан обычным человеком, понятным зрителю, что сообщает об обратных культурных тенденциях. Однако французский режиссер имел совершенно другую цель, поэтому и герой в фильме менее правдоподобный и более идеализированный.

Арка Миледи

Персонаж Миледи, безусловный антагонист, проходит плоскую арку, с большой долей отрицательной арки поражения, с элементами арки порока. История складывалась таким образом, что у Миледи было немного шансов «принять истину», хотя она могла это сделать на любом этапе развития персонажа [12]. Решения, которые она принимала, способствовали деградации, но она принимала их осознанно. То, что в ее истории есть элементы арки порока, можно понять из присутствия пункта «героя манит ложь», поскольку Миледи прекрасно знает, что совершает зло, но ей нравится жизнь шпиона-убийцы, поэтому она «сознательно отдает предпочтение темным силам» [12].

В обеих экранизациях Миледи проходит плоскую арку. Она позиционируется как *femme fatale*, что можно частично считать признаком плоской арки, поэтому и личностное развитие персонажа отходит на второй план. Об этом свидетельствует и внешность, искусственно созданная для актрисы, драматургия, манеры игры – в фильмах Дж. Сидни и Б. Бордери Миледи с самого начала показана условно «отрицательным» персонажем.

Важное место занимает сцена казни из кульминационного эпизода фильма Б. Бордери, поскольку это ключевой момент для антагониста. То, как эта сцена показана в экранизации, демонстрирует особенности восприятия таких моментов в Голливуде и во Франции. В экранизации Дж. Сидни казнь показана медленно, величественно и торжественно. А пафосный проход актрисы Л. Тернер через мост вполне мог бы присутствовать в фильме о леди Джейн или Марии Антуанетте. В фильме Б. Бордери все происходит быстро, а зритель не имеет возможности ощутить всю важность события. Поэтому в американском фильме сцена намного ближе к первоисточнику, где последнему дню из жизни Миледи отводится не один десяток страниц.

Разница восприятия американского и французского кинематографа состоит не столько в том, какой предстает перед зрителем сама героиня, сколько в отношении к ней других персонажей. В голливудском фильме Миледи показана более самостоятельной, менее женственной, однако именно это закладывается в качестве культурных образцов поведения американок. Во французском фильме героиня больше зависит от других героев и склонна к тому, чтобы поддаваться эмоциям. Это демонстрирует влияние ценностей Франции середины прошлого века, которые и отразил режиссер в фильме о совершенно другой эпохе.

Заключение

Анализ конфликтов, сюжетных линий и персонажей экранизаций позволяет сделать вывод о том, что создатели фильмов не ставили задач передать в точности все события, происходящие в романе. Их цель заключалась в визуализации атмосферы Франции XVII в. через призму популярной истории о дружбе и приключениях мушкетеров. Роман А. Дюма – «энциклопедия» французской жизни первой половины XVII в., поэтому применение таких инструментов адаптации как значительное сокращение и упрощение арок персонажей необходимо для соблюдения рамок экранного времени. Обе экранизации соответствуют традициям тех культур, где они были сняты. Во французской версии явно прослеживается авторский подход, свойственный европейскому кинематографу в целом, можно увидеть попытку сделать из д'Артаньяна национального героя. На американскую версию принципиальное влияние оказала голливудская продюсерская система, для которой важно, чтобы зритель принял реалистичного героя близко к сердцу.

Однако прослеживается разница в восприятии главного женского персонажа, показанного в американской версии равной мушкетерам, а во французской – в более традиционном варианте, что соответствует культурным тенденциям обеих стран. Режиссеры Голливуда и Франции по-разному используют инструменты киноадаптации. Выбор зависит от того, как зритель конкретной страны отнесется к тому или иному изменению героя, поэтому авторы ориентируются на то, чтобы сделать героев максимально понятными и близкими «своему» зрителю, принимая во внимание культурные особенности.

Библиографический список:

1. Ахметов К. С. 125 лет кинодраматургии: От братьев Люмьер до братьев Нолан. 3-е изд., испр. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 464 с.
2. Волкова П. С. Творчество Ивана Бунина в пространстве кинематографа: интерпретация и реинтерпретация / П. С. Волкова, Л. П. Казанцева // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 6. С. 96-109.
3. Говард Д. Как работают над сценарием в Южной Калифорнии / Д. Говард, Э. Мабли; под ред. А. Акопова; пер. с англ. М.: Альперина ПРО, 2019. 624 с.
4. Дмитрук Т. И. Текст и экранизация: варианты их соотношения (на материале романа Т. Мэлори «Смерть Артура» и его киноадаптаций) // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019. № 1(31). С. 96-101.
5. Дюма А. Три мушкетера. М.: Эксмо, 2008. 928 с.
6. Касаткина Н. Н. Сравнительный анализ экранизаций философского романа Уильяма Голдинга «Повелитель мух» / Н. Н. Касаткина, А. В. Петрова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. С. 18-20.
7. Кулешов Л. В. Уроки кинорежиссуры. М: ВГИК, 1999. 262 с.
8. Левина Л. А. Трагедии В. Шекспира в современной киноадаптации («Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Макбет») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11-3 (77). С. 35-40.
9. Рыбина П. Ю. «Литература на экране»: адаптация читательского воображения // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2022. № 3. С. 73-82.

10. Смирнова А. Н. Интерпретация прозы В. Набокова в зарубежном киноискусстве: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Ярославль, 2005. 20 с.
11. Тарковский А. А. Лекции по кинорежиссуре: Сценарий / Уроки режиссуры. М.: ВИППК, 1993. 92 с.
12. Уэйланд К. М. Создание арки персонажа. Секреты сценарного мастерства: единство структуры, сюжета и героя. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 180 с.
13. Шимонова Н. В. Художественные особенности экранизаций произведений М.А. Булгакова: специальность 17.00.03 "Кино-, теле- и другие экранные искусства": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2017. 26 с.
14. Seger L. The Art of Adaptation: turning fact and fiction into film. New York: Henry Holt and Company, 1992. 238 p.

Silaeva A.M. Features of literary text adaptation in French and American cinematography (on the example of the film adaptation of the novel by A. Dumas «The Three Musketeers» in the films of J. Sidney and B. Borderi)

The article examines the transformation of the theory of drama in the process of screening literary works, presents an analysis of the differences between the approaches of classical Hollywood and later French cinema in the creation of mass audience films. The author compares conflicts, significant episodes, images of the main characters, as well as dramatic accents reflecting the national mentality in the films «The Three Musketeers» by J. Sidney and B. Borderi.

Keywords: film adaptation, dramaturgy, screen adaptation, structure, climax, plot, A. Dumas, Three Musketeers, arch.

УДК 159.9

В. Б. Хозиев

Предисловие к статье Г. М. Шавердян «Психопатология личности и проблема зла»

Ключевые слова: психопатология личности, проблема зла, клиническая психология.

Об авторе: Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v_hoziev@mail.ru

Клиническая психология сегодня такова, что волей своих стандартов тотальной помощи человеку на всем протяжении его жизненного пути и во всех проявлениях бед и нездоровья идет на строжне гуманитарного поиска, порой впереди точных определений и установления деталей. Ее метод – видеть и слышать причины и симптомы задолго до их реального оформления в жалобах и страданиях. Тонко воспринимая душевную боль и «неполадки» психики конкретного человека, она одновременно не может не замечать в том числе множества общих причин и тенденций развития в культуре и обществе, в эпохе. Консультативная и психотерапевтическая работа во многом есть расширение дискурса бытия конкретного человека применительно к задачам грядущего преодоления частного и общественного психического нездоровья.

Сквозь сито консультативно-психологических методов наряду с эмоциональными, интеллектуальными, волевыми, коммуникативными и иными моментами проблемного патогенеза личности непременно всякий раз при настойчивой, умелой и умной диагностике высвечиваются важнейшие аспекты ее нравственных противоречий. Нередко именно они становятся самыми глубокими, идет ли речь о нарушенных детско-родительских отношениях, присвоенной конфликтности в рамках онтогенетического прохождения социальных институтов (детского сада, школы, подростковых компаний, армии, профессиональной общности и др.) или собственных «наработок» личности в эпохе непреодоленных кризисов своего развития.

«Клиники» – это общность. Необходимость видеть причины личностных аномалий (иначе пациенту не помочь) создает особенное профессиональное внимание к деталям и нюансам, глубине личностного познания. Через сообщающиеся сосуды консультативной практики передаются, транслируются, переводятся от одного психотерапевта к другому важнейшие профессиональные ориентиры. Любопытно, что мы можем принадлежать к разным терапевтическим школам, никак не пересекаться по используемым понятиям, использовать «антагонистические» методы в работе, при этом совпадать в глубинном, почти невыразимом в вечно неточных терминах осмыслении основной его коллизии.

Чудо? Нет. Определенная всеобщая метатеоретическая модель структуры человеческой личности уже построена каждым из нас, апробирована на консультациях, психотерапевтических сессиях, супервизиях, примерена ко множеству бедствий, что случаются с нашими подопечными на *узких перекрестках мирозданья* (В.С. Высоцкий). Статья нашей коллеги, профессора, заведующего кафедрой клинической и социальной психологии Ереванского университета Г. М. Шавердян именно об этом – о глубине нравственного содержания психологической консультативной работы. Автор блестяще чувствует остроту бинарной оппозиций добра и зла и темпераментно приглашает нас к дискуссии о том, как изживать в своем консультативном и психотерапевтическом опыте нравственные искажения нашего знания, нашей профессии и наших подопечных. Эта задача никак не выглядит банальной или простой, сиюминутной и поверхностной. Наверное, на ее решение уйдет целая эпоха, но для всех нас важно выбрать верный путь.

Hoziev V.B. Preface to the article by G. M. Shaverdyan «Psychopathology of personality and the problem of evil»

Keywords: personality psychopathology, the problem of evil, clinical psychology.

УДК 159.9

Г. М. Шавердян

Психопатология личности и проблема зла. Часть 1

Аннотация:

Проблема зла, практически игнорируемая специалистами в области психического здоровья, достойна самого пристального внимания и изучения, поскольку стигматизация патологических личностей во многом обусловлена проблемой ответственности (или безответственности) личности за свою болезнь, которая может не принимать содержательной формы. Статья нацелена на прояснение соотношения между патологией личностного развития и проблемой зла. Посредством феноменологического анализа нравственное содержание психики описывается как зависимое или независимое от целого ряда жизненно значимых детерминант. Проводится сравнительное исследование психологических особенностей *Homo abnormalis*, *Homo normalis* и *Homo moralis* с точки зрения проблемы добра и зла. Описывается генезис психических заболеваний в виде последовательной цепочки причин и симптомов, рассматриваемых в свете антропософии.

Ключевые слова: добро и зло, детерминация развития личности, патологическая личность, свобода, эгоизм, познание.

Об авторе: Шавердян Гаянэ Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и социальной психологии Ереванского государственного университета, клинический психолог, психотерапевт; e-mail: gms17@yahoo.com

С чем имеет дело клинический психолог, наравне с патологией и психологическими проблемами психически здоровых людей? Что постоянно сопровождает его на путях понимания человека, обратившегося за помощью? Проблема зла, вечно игнорируемая и даже презираемая специалистами. Не будет преувеличением сказать, что одна из миссий клинического психолога и психотерапевта – взглянуть в его тайну и обозначить его границы. Основой зла, укоренившегося в патологии, выступает

эгоизм, разнообразно проявляемый в различных формах патологии. Именно он – неистощимый кормилец отклонений от нормы, даже в тех случаях патологии, когда, казалось бы, больной страдает сам, не доставляя вреда своему окружению.

Почему психология, фиксируя вредоносность, враждебность, злость и эгоизм патологических личностей¹, не удосуживается отнести проблему добра и зла к исследуемым категориям? Для среднестатистического психолога или «психолога-обывателя» эта проблема оказывается метафизической и, следовательно, бесполезной. Он склонен искать, исследовать и рассуждать обо всем, за исключением абсолютных истин или конечных целей познания психических явлений, для чего необходимо, помимо исследовательских процедур и рассуждений, по-настоящему мыслить. Но в пространстве психологии негласно существует табу на мысль. Само мышление, – как пишут Зинченко В.П. и Моргунов Е.Б., цитируя А. М. Пятигорского, – *объективно является провокацией и подстрекательством* [4, с. 10]. Ведь мысля, психолог не может спокойно продолжать процедуру дотошного подсчета, что нервирует его, поскольку притормаживает стремление скорее получить результат. К тому же исследователь может нечаянно натолкнуться на что-то неподвластное счету, например, на мораль, любовь или ответственность, а то и на собственную совесть.

Это добровольное самоограничение делает его не мыслящим, а до ужаса рассудительным, мотивирует на неосознанное бегство от узнавания, результатом чего становятся оторванные от жизни абстракции, затемняющие Я-сознание, но оберегающие от знакомства с самим собой, что чревато конфронтацией со своим «*infimum malum*» («низшим злом»). Исключение составляют практикующие аналитики, работа которых невозможна без проникновения в собственные устрашающие глубины. Ибо аналитик и пациент оказываются в заповедной зоне бессознательного, по мысли К. Г. Юнга, *перед лицом тьмы, таящей в себе демоническое начало*, для преодоления которого в подавляющем большинстве случаев им обоим не хватает познавательных сил [8].

Зачастую психолог не наблюдает значимых подвижек в человеческой морали ни в себе, ни в других, поэтому не идентифицирует эту область с наукой, в которую не входит не только бессознательное, но сознание и самосознание. Вопреки этому исследование взаимоотношений всех пластов психики приближает нас к пониманию проблемы добра и

¹ Хотя под термином «патологическая личность» обычно понимается личность с расстройствами личностного регистра, здесь и далее мы будем использовать этот термин, относя ко всем регистрам.

зла. По Юнгу, история земной цивилизации не дает оснований утверждать, что за последние пять тысяч лет человек сделал заметные успехи в совершенствовании морали, а человеческое сознание и его функции прошли весьма значительный путь развития [8]. Это значит, что необходимо подходить к проблеме зла не непосредственно, а с позиции «инструмента», опознающего, диагностирующего и противостоящего ему, т.е. с позиций возможностей, которые предоставляют человеку сознание и самосознание посредством мышления. Последние, если не ограничиваются измышлениями рассудка, опирающегося на бесконечную каузальность, примиряют природу вне и внутри человека и этим свершают и завершают мир.

К протагоровской максиме *«человек есть мера всех вещей»* можно добавить, что мера всех вещей в человеке – это его сознание. Сознание живет и возрастает за счет познания, в котором совершенствуется человеческое мышление, а деятельность познания следует рассматривать как естественный процесс, подобный росту растений, размножению животных и эволюции видов [1]. Отсюда следует, что познание и мышление сами по себе оказываются таким же объективным миром, как дерево или камень, с той лишь разницей, что представляют его высшую ступень.

Поэтому и стремление к морали сознающего и самосознающего человека должно быть рассмотрено не как усовершенствованная животная потребность, а как вершина природного, его суть и судьба. Предельно ясно это выразил Б. Паскаль: «Все тела, небесная твердь, звезды, земля и ее царства не стоят самого ничтожного из умов, ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, вместе взятые, и все умы, вместе взятые, и все, что они сотворили, не стоят единого порыва милосердия, это явление несравненно более высокого порядка» [3].

Милосердие и нравственность не из области исчислимых детерминирующих факторов, но из сферы суровых истин: они есть или их нет. Их невозможно приладить ни к биологии, включая модель инстинктов Фрейда, приближающую человека к животному, ни к нейронаукам, приближающим человека к роботу. Указанные понятия находятся вне коммерции, социального дарвинизма, конкуренции или маркетинга, а тем более вне «свято» почитаемых статистических коэффициентов Пирсона и Стьюдента, отдаляющих от познания душевных явлений и здравого смысла. Эти субстанции имматериальны и свободны от обусловленностей и необходимостей, как свободен нравственный поступок человека, осознавшего его основание как истину и явившего миру свое ответственное,

индивидуальное *хочу*, не имеющее собственной «второй природы» или «теневого» противоположности.

Для примера: *обсессивный* невротик «изнасилован» ответственным долженствованием, *конверсионный* – безответственным хотением. Логика подсказывает, что психотерапевтическое решение заключается в сбалансировании долга и хотения, но, во-первых, такой баланс абстрактен и оторван от действительности – ведь невозможно определить точку его оптимума. Во-вторых, эти полюсы взаимозаменяемы и легко уступают место друг другу, а временный и неустойчивый баланс не дает достаточных оснований причислить его к категории нравственного.

С легкой руки К. Хорни, понятие «тирания долженствования» прочно вошло в число явлений, с которыми психологи перманентно воюют: «абаутизм» и «шудизм» в гештальттерапии, «*must-урбация*» в рационально-эмотивной терапии и пр. Отбрасывая долженствование, мир мгновенно погрязает в своей противоположности – хаосе поверхностных желаний. Можно предположить, что человек должен сам прийти к долженствованию, но здесь мы вновь наталкиваемся на скольжение по смыслам. Путевая стрелка, указывающая на ориентир в пространстве долженствования, не совпадает с самой дорогой: стрелка отдельно (*написано, что должен*), а дорога отдельно (*должен захотеть, потому что понимаю, что должен*). Налицо принуждение к морали, однако лукавство *хочу* разоблачается в тот момент, когда мы обращаем внимание на его генезис, заключенный в первоначальном *должен*, потому что необходимо самому прийти не к хотению, как второму пункту после долженствования, а к хотению как к первому и единственному!

В докладе на Антропософском конгрессе в августе-сентябре 1921 г. в Штутгарте Р. Штайнер рассматривал противоположность природного и морального объяснения явлений. В отношении природы в мире тотально представлено каузальное объяснение. Наука психологии продвигается, точнее сказать, топчется на месте благодаря именно этому принципу. Но где-то должна существовать сила, преодолевающая действие этой каузальности? Эта сила есть моральный мир, познаваемый в цельной природе человека, ибо в моральной, чистой воле человеческого существа мы видим нечто, что побеждает каузальность.

Плоды развития природы человека, – полагал Штайнер, – обнаружатся в будущем, но уже сейчас, при внимательном наблюдении, можно заметить реальность человеческой

воли, вступающей в союз с чистым мышлением, для которого нет коррелята в чувственном мире [6, с. 107]. «Чистым», потому что освобожденным от любых мотиваций и излюбленных учеными-психологами детерминант, включая бессознательные. Вслед такому мышлению идет «чистая» воля, которая ему родственна, поскольку так же индетерминирована. «Поступок, – считал Штайнер, – ощущается свободным, поскольку основание его явствует из причастной к идеям части моего индивидуального существа» [5, с. 145]. Непредсказуемость, если она есть, то только здесь, в этой мотивации, ее не встретить при любых других мотивах так называемой «нормальной» личности, а тем более в патологии. Окруженный детерминантами поступок не морален и содержит противоречие в самом определении, потому что всякая детерминанта или мотив, кроме побудительного мотива (*познал это как истину и хочу так поступить*) принуждает к поступку, а значит, не может идти речи ни о какой свободе и, следовательно, нравственности.

Не то же в случае психопатологии? Не действует ли патологичная личность необходимо и обусловлено, подобно животному или ребенку, бессознательно в своих намерениях? «Я – такой и точка», – одинаково заявляют психопат, невротик и психотик, что в переводе на язык психологии означает «Я детерминирован и точка»! Заблуждение возникает из-за кажущейся непредсказуемости поведения носителя патологии, но правда в том, что он-то как раз предсказуем, вариабелен по форме, и это касается как мыслей, так и поведенческих паттернов. Бред шизофреника настолько многовариантен, что некоторые исследователи говорят об «индивидуальном бреде». Такая иллюзия создается из-за акцента на фабуле бреда и приложения сознательных мерок к «продукции» бессознательного – за ними прячется предсказуемость, запрограммированность и необходимость, царящая в мыслях и поведении больного.

В случае психоза не имеет значения, поколотит ли шизофреник собственную бабушку, опрокинет стол или сиганет в окно; в случае конверсионного расстройства – выдумает ли дама влюбленность в нее соседа или то, что ее выгнали из дома; в случае эпилептического характера – увязнет ли личность в этой или любой другой мелочи провоцирующего вида на фоне начавшейся дисфории. Главная необходимость – шуб (первичный приступ болезни), «выдумка» или дисфория, т.е. крайняя форма несвободы, а не вариант поведенческого паттерна.

А что в норме? Тут не больше варибельности: или природное, или социальное с соответствующими градациями сознательности или бессознательности. Патология высвечивает и проявляет так называемую «мораль» нормы, действующую по указке авторитетов социума, церкви или правил, почерпнутых из новостных лент, по лекалам извне привнесенного или по изнутри бурлящего «архаического» бессознательного, под нажимом природных импульсов и вожелений. При этом оба типа бессознательного (по классификации К. Уилбера) успешно притворяются сознательным содержанием психики. По Юнгу, взрослый человек говорит и делает вещи, о которых он только впоследствии узнает, что они означают. И все же он говорит о вещах и поступает так, как если бы он это делал осознанно [9, с. 96]. Это «как если бы» в увеличенном масштабе касается психопатологии с той лишь разницей, что в норме человек имеет шанс выйти из лабиринта обусловленностей и необходимостей в область свободы.

Как? Отказом от привнесенных общезначимых форм морали и самостоятельным, исключительно индивидуальным участием в освоении морального принципа. При этом идея поступка, добытая путем беспредпосылочного познания (или на языке гештальтпсихотерапии спонтанным «здесь и сейчас» осознанием (awareness)), может быть любой, но только не подневольной. «Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Соборное послание ап. Иакова, 1;25).

Сказанное не исключает процесса социализации как стадии развития, но указанный путь создаваемой человеком моральной нормы есть идеальный (в двух смыслах слова: как идея поступка и вершина нравственности) творческий акт и самый острый меч, преодолевающий зло. Социализация болезненным образом принуждает к переоценке ценностей. Дальше вырисовывается альтернатива: или тяжеломерно и дремотно оставаться под лоном социализации, где решения моральных дилемм находятся «на ладони», или отважиться идти «узкими воротами» и ориентироваться в них самому, находя идейное основание или «идеальное» данного поступка. «Личность, – писал Б. С. Братусь, – это инструмент по различению добра и зла. Но если погрузить это общее определение, непсихологическое, как мои коллеги скажут, в реальность, то личность – инструмент, который позволяет ориентироваться в пространстве нравственных ценностей. Ориентировка – одна из основных функций психики вообще...» [2].

Ничего из этого в психопатологии нет. Пациент даже не пытается ориентироваться в пространстве нравственных ценностей, а сразу отмечает их, не говоря уже об индивидуально и идейно выработанной норме, присущей только ему самому. Пред лицом такого волевого действия, который порожден исключительно любовью к поступку, все обусловленные «подставы» поступка становятся по-настоящему условными, вплоть до времени и ситуации. Словарь храмового искусства определяет «подставу» как вертикальную опору для навески ставень, дверей и ворот; устаревшее значение слова означает лошадей на пути следования, приготовленных для смены уставших; наконец, это слово употребляется в значении целенаправленного действия предательства и обмана.

Если личность не знает, как поступить, социализация обеспечивает ей убедительную опору для правильного решения, выбор лучшего из худшего, что делает, к примеру, личность с асоциальным пограничным расстройством. Но ухватившись за содержание социализации, возможно мгновенно заработать невроз, что мы наблюдаем у интроецирующей личности, которая по большому счету также асоциальна, поскольку придает этим содержаниям сверхценность, девальвируя окружающих. Мучительный нравственный выбор часто истощает психику, но на подхвате всегда найдутся отдохнувшие и откормленные «лошади», подставляющие, казалось бы, «новые» сознательные или бессознательные аргументы в пользу природного или социального. Наконец, эти обусловленности, часто под маской альтруизма, попросту «дурят» как человека, пытающегося осуществить нравственный выбор, так и исследователя.

Без особых усилий можно доказать точную противоположность любого вскрывшегося факта даже в рамках аналогичных исследовательских процедур, но особенно это выявляется при сравнении результатов исследования проективными и количественными методами. К примеру, в одной дипломной работе мы исследовали отношение женщин, страдающих бесплодием, обнаружив количественными методами громадное желание иметь ребенка и депрессию, а проективными – полное отсутствие мотивации и изменение настроения.

Это натолкнуло на мысль о нарушениях межличностных отношений в семье, мотивации и эмоций в плане амбивалентности, однако нарушений не обнаружилось. Ответ на вопрос, что здесь реально и что иллюзорно, подводит не только к выбору между количественными и проективными методами и их истинной валидности, но и к тому, на какую правду опираться: рационального или иррационального. Если правда так

называемого *сознательного* противоположна правде *бессознательного*, то логика психологических исследований напоминает потрясающий манифест дадаистов: «Говорить «да», значит, говорить «нет»»!

Не в последнюю очередь это происходит потому, что психологи привыкли делать ставку на интеллект, и даже умудрились тестировать бессознательные защитные механизмы количественным, рациональным методом! Интеллект в психологической науке есть фигура, все остальное – неосознанные содержания, переживание, воля, мотив, культурные и субкультурные наслоения и многое другое – только фон или фоновые помехи.

Из этой же серии: целая армия психологов трусливо считает трансперсональную психологию иллюзией, хотя трансперсоналисты не отрицают академическую психологию и успешно интегрируют позитивизм в себя, четко указав ей ее место: часть в факте и факт как часть, и все это как часть реальности, иначе запутываются начала и концы. В продолжение «серии»: говорить о христианской психологии многим психологам как-то неудобно, как если бы речь шла о чем-то неприличном. В итоге: к трансперсональной психологии приклеивается ярлык ненаучной и туманной мистики, к христианской – ненаучной и бездоказательной веры.

Коллизия не поддается сколько-либо приблизительному решению, если не обратиться к проблеме цели науки. Одно дело, когда предполагаемая цель – пробуждение духовного, преодоление чувственного и рассмотрение человека как ценности, другое – продвижение обманно-хозяйственной жизни, бездуховный и безлюбивый расчет, где можно доказать одновременно «за» и «против». Первое ведомо потребностью в познании из любви к нему, без цели получения выгоды, этакая характерная для детей «мечта-игра» в созерцание и переживание мысли с неременным уважением к индивидуальности. Второе – исследование человека без имени и биографии, раздробление времени на разрозненные фрагменты, соответствующие промежуточным операциям под знаменем «время-деньги».

Последнее приводит специалиста не к познанию в собственном смысле, а к слепому эгоизму и застреванию в своем эго. А что, если не это, бросается в глаза при психопатологии? Однажды некий герцог попытался затащить И. Гете в сумасшедший дом. «Я не имею ни малейшей охоты видеть тех дураков, которых запирают на ключ, ибо с меня довольно тех, которые ходят на свободе», – парировал Гете [7]. Изречено резко, но

отражает суть вещей. По сравнению с клиническим безумием, «повадки» психолога-исследователя считаются полной нормой. Но правда и в том, что психологи, постоянно механически считывая знание со среднестатистического человека, не проявляют интереса к реальному человеку, что называется «асоциальностью» и сопряжено со злом. Тупик методологических оснований психологии связан еще с одним пороком, одержимостью фокусами типа «скопус-покус» и «хирш-мирш». Эти ученые-«бюрократы» хорошо расположились в жизни, но так же, как и патологические личности, живут в иллюзиях о науке.

Разница лишь в том, что исследователь может ставить проблему и пытаться продвинуться в ее разрешении, а патологическая личность не ставит ее вовсе или считает ее решение безнадежным. Сила намерения познавать и преодолевать – единственный индикатор «нормальности», и дело не только и не столько в возможности зла, а в усилиях, направленных на его осознание и преодоление. При патологии эгоизм и ему сопутствующее зло настолько въедаются в личность, что злом признается все, кроме себя, даже в случае бреда самообвинения, поэтому о преодолении не может идти речи. Последнее предполагает разумность, что по Платону есть «знание о добре и зле», но патологическая личность всех регистров, по крайней мере до стадии психотического развала личности, отмечена рассудительностью, а суждения о добре и зле разума и рассудка различны, хотя могут совпадать по содержанию.

У больного шизофренией на начальных стадиях не столько *сон разума рождает чудовищ*, сколько их порождает логичный и холодный рассудок, а такие суждения ни при каких обстоятельствах, кроме интенсификации сознательности, не могут трансформироваться в разумные. Патологическая личность безвольно орудует отдельными понятиями, которые не доходят до объединяющей идеи; неконтролируемая рассудочность производит ассоциации по типу оперантного поведения и речь по типу «клише», а при галлюцинаторном восприятии – образы без осмысления. «Я», нарушенное в каждом случае патологии на свой лад, не защищает рассудок волевым контролем от механической комбинаторики рассудка, который не в состоянии исследовать самого себя, а также обеспечить безболезненные, т.е. подвижные переходы противоположностей.

Продолжение следует...

Библиографический список:

1. Бондарев Г. А. Импульс Антропософии между добром и злом. М: Энигма, 2022. 204 с.
2. Б. С. Братусь: «Личность – это инструмент по различению добра и зла» [Электронный ресурс] // Психологическая газета. Режим доступа: <https://psy.su/feed/11193/> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Блез Паскаль [Электронный ресурс] // Цитаты известных личностей. Режим доступа: <https://ru.citaty.net/avtory/blez-paskal/?page=4> (дата обращения: 15.10.2023).
4. Зинченко В. П. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. М.: Тривола, 1994. 304 с.
5. Штайнер Р. Философия свободы. Ереван: «Ной», 1993. 228 с.
6. Штайнер Р. Антропософия и мистерии нового времени. Ереван: «Лонгин», 2008. 207с.
7. Эккерман И. Разговоры с Гете. Ереван: «Айастан», 1988. 672 с.
8. Юнг К. Практика психотерапии. М.: «Издательство АСТ», 1998. 416 с.
9. Юнг К. Психология архетипа ребенка // Бог и бессознательное. М.: «Олимп», 1998. 480 с.

Shaverdyan G. M. Psychopathology of personality and the problem of evil. Part 1

The problem of evil, today almost ignored by specialists in the field of mental health, is worthy of the closest attention and study, if only because the stigmatization of pathological personalities is largely due to the fact that the problem of responsibility (or irresponsibility) of the person for his disease may not take any meaningful form. The article aims to clarify the relationship between the pathology of personal development and the problem of evil. Through phenomenological analysis, the moral content of the psyche is described as dependent or independent of a number of vital determinants. A comparative study of the psychological features of *Homo abnormalis*, *Homo normalis* and *Homo moralis* in terms of the problem of good and evil is being carried out. The genesis of mental illness is planned in the form of a consistent chain of causes and symptoms, considered in the light of anthroposophy.

Keywords: good and evil, determination, pathological personality, freedom, selfishness, awareness, unconscious.

УДК: 608.1

А.Н. Кокорева

Этические проблемы развития генетики

Аннотация:

С развитием биологии, медицины и генетики неизменно возникал вопрос применения полученных знаний и методов к человеку, возможных последствий этого процесса. Обозначенный вопрос осветил социальные, мировоззренческие и этические проблемы. В статье рассматриваются этические проблемы развития биологических наук и медицины, генетики в ее сравнении с евгеникой, этико-правовые принципы их регулирования.

Ключевые слова: биоэтика, моральные и этические проблемы генетики, этическое регулирование науки, евгеника, этико-правовые принципы.

Об авторе: Кокорева Александра Николаевна, аспирант кафедры биофизики, Государственный университет «Дубна»; эл. почта: aleksandras@inbox.ru

В строгом смысле слова «этика» – философская дисциплина, изучающая явления морали и нравственности. Этика, которая исторически понималась как практическая философия, получила мощный импульс для своего развития. В XX в. на стыке дисциплин философии и естествознания сформировалась биоэтика. Биоэтика – новая, широкая область междисциплинарных научных исследований, однако она не сводится только к исследовательской деятельности. Минимум знаний в области биоэтики необходимы любому человеку. Проблемы биоэтики имеют непосредственное отношение к профессиональной деятельности медицины, биологии, психологии, юриспруденции, политики, теологии и, конечно, философии [6].

Одним из важнейших факторов, оказавших влияние на формирование и развитие биоэтики, выступает проблематика, связанная с этическим и правовым регулированием научных исследований, прежде всего медицинских, проводимых на людях. Объектом этической оценки становятся многие биологические исследования не только прикладного, но и фундаментального характера из-за возможных последствий для генетики.

В современной истории первым правовым документом, регламентирующим этико-правовые принципы проведения исследований на людях, стал «Нюрнбергский кодекс» 1947 г. Основной мыслью кодекса было добровольное, свободное, дееспособное согласие испытуемого на участие в исследованиях. При этом лицо, дающее согласие, должно быть достаточно информированным, понимающим суть эксперимента, его методы, цели, продолжительность и исход. В дальнейшем с расширением клинических и медицинских исследований, с открытием новых методов, подходов и научных достижений кодекс был, по сути, дополнен и доработан принятием «Хельсинской декларации» Всемирной медицинской ассоциации 1964 г. Основными дополнениями стали разделение исследований на клинические (лечебно-диагностические цели) и неклинические (научные цели), формирование конкретных рекомендаций их применения. Критерием этичности эксперимента на человеке стало требование научной обоснованности исследования. В дальнейшем декларация была исправлена, дополнена и уточнена еще несколько раз.

Одним из принципов «Нюрнбергского кодекса» выступает следующее положение: эксперимент над людьми должен основываться на данных, полученных в лабораторных исследованиях на животных [4]. На протяжении нескольких столетий животных использовали в исследовательской деятельности. Эксперименты на животных проводятся в сфере научных исследований (медицинские, военные, космические), тестировании новых препаратов (косметика, бытовая химия, промышленные соединения), в образовании. Трудно даже представить, какое количество животных погибло во имя науки, ради новых данных. История экспериментов с использованием животных в медицине чудовищна. В прошлом ученых мало беспокоили этические соображения по отношению к животным, а свои действия они оправдывали преследованием благородных целей.

В XIX в. возник спор между сторонниками использования животных в экспериментальной деятельности и их противниками. Это привело к тому, что научное сообщество начало задумываться о формулировании этических принципов, а в дальнейшем и о создании правовых регламентирующих положений использования животных в научной деятельности. Так, правило 3R Берча-Рассела стало международным стандартом, характеризующим этику и правовое регулирование в исследовательской практике. Можно выделить три основных положения для оценки этической составляющей

любого исследования с участием животного: «reduction» (уменьшение числа животных), «refinement» (усовершенствование методики эксперимента: обезболивание, обеспечение благополучия животных), «replacement» (замена лабораторных животных в эксперименте на альтернативные модели). Сегодня функционирует ряд нормативных документов, регламентирующих исследования с использованием животных, создаются комитеты по этике и биоэтике, как в международной практике, так и в России. Например, система норм GLP (good laboratory practice) – надлежащей лабораторной практики, GCP (good clinical practice), Российский национальный комитет по биоэтике [2].

Открытия и изобретения генетики дают нам представление не только о мире, где мы живем, но и о нас самих. Генетика играет огромную роль в медицине, сельском хозяйстве, биотехнологии и других отраслях. Однако в использовании результатов генетических исследований могут возникать серьезные этические вопросы. Так, широко популярное в первые десятилетия XX в. направление, в рамках которого разрабатывались новые методы социального, биологического и медицинского контроля, евгеника ставила целью исправление расовых, физических и интеллектуальных качеств будущих поколений. Термин «евгеника» был предложен английским антропологом и географом Ф. Гальтоном (двоюродным братом Ч. Дарвина) в книге «Наследственный гений: исследование его законов и последствий» [8]. Гальтон утверждал, что сыновья людей, выдающихся в какой-либо профессии, имели больше шансов сами достичь успеха, чем в случае, если бы они были сыновьями других людей (в качестве примеров, доказывающих этот тезис, он называл семьи известных государственных деятелей, полководцев, ученых, писателей, поэтов, музыкантов, художников и спортсменов). Он интерпретировал этот паттерн как свидетельство генетической передачи человеческого интеллекта, не принимая во внимание окружающую среду: позже было показано, что его результаты полностью совместимы с культурной наследственностью.

Евгеника, выражая желание человека овладеть и рационально контролировать собственную природу, приводит к заблуждениям и преступлениям против человечества.

До конца XX в. единственным евгеническим методом оставался искусственный отбор, при этом проблема критериев генетического отбора евгеникой так и не была преодолена. Кроме того, евгеника была дискредитирована участием немецких и американских генетиков в деятельности расистских и нацистских институтов власти. В нацистской Германии чудовищный «Закон о защите потомства от генетических

заболеваний» привел к многочисленной стерилизации и эвтаназии «генетически неполноценных индивидов», уничтожению миллионов евреев, цыган, славян и других представителей «неполноценных рас». В США, начиная с 1907 г., были приняты законы о принудительной стерилизации генетически неполноценных индивидов; законы о запрете межрасовых браков, основанные на жестких расовых критериях.

В дореволюционной России и в СССР, начиная с 20-х гг. XX в., идеи евгеники также нашли своих последователей. Так, профессор Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге В. М. Флоринский (1834-1899) – врач, археолог, этнолог и антрополог, в 1866 г. опубликовал книгу «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», во многом схожую с идеями Гальтона [7].

Свою популярность книга приобрела в 1920-м г., на волне интереса к евгенике и задаче создания нового, совершенного человека будущего в СССР. Издавались журналы (в частности, «Русский евгенический журнал»), проводились конференции. Участниками евгенического движения были известные ученые-генетики, наркомы, писатели и советские деятели. Следует отметить отличие советских евгеников от мировых: все мероприятия и задачи по улучшению генофонда нации проводились на добровольной основе, и в целом, в рамках евгеники развивалось действительно научное направление исследований роли наследственных факторов в становлении различных нормальных и патологических признаков у человека. Однако евгеника просуществовала в СССР недолго, и с 30-х гг. XX в. начались гонения и на евгеников, и на генетиков.

К 1948 г. генетика была уничтожена: закрылись медико-генетические лаборатории и генетические научно-исследовательские лаборатории, а генетиков арестовывали и привлекали к уголовной ответственности. Истинно верной в то время признавалась лишь концепция Т. Д. Лысенко – полное отрицание специфического генетического аппарата у живых организмов и передача по наследству признаков, приобретенных организмом в процессе индивидуального развития [5]. Концепция противоречила классической генетике, но пользовалась поддержкой властей. Лысенко использовал эту поддержку, чтобы внедрить свои теории на практике в сельском хозяйстве. Советские генетики не могли дать быстрых результатов, но и методы Лысенко, как оказалось, обещанного успеха урожайности не принесли. Как и прочие заблуждения в генетике, Лысенковские идеи потерпели крах. Возрождение же советской генетики приходится лишь на 60-е гг. XX в.

Начало новым дискуссиям среди ученых и представителей общественности положила практика клонирования животных, в результате которой были успешно получены клоны овец, коз, коров и обезьян. По мнению ученых, клоны могли использоваться в качестве биореакторов, органы животных – применяться в трансплантации, а также в качестве материала для исследования человеческих болезней. Кроме того, клонированные особи предлагалось использовать в сельском хозяйстве для выведения новых пород. Это породило ряд новых этических проблем: имеет ли человек моральное право использовать животных во имя технического прогресса или предполагаемой экономической выгоды, тем более с непредсказуемыми последствиями? Основной задачей стало свести к минимуму потенциальный вред от таких исследований [3].

Немало этических вопросов вызывает гипотеза о клонировании человека, посягающая на его «божественную сущность» и становление индивида как личности. Тревогу вызывает возможность умственной или физической неполноценности при клонировании и возможное обеднение генофонда. Безусловно, клонирование – важное открытие XX в., однако, представляется, что его применение в отношении человека все же недопустимо.

Этические проблемы современной генетики во многом схожи с проблемами биомедицины и биоэтики. Прежде всего, это моральные проблемы конфиденциальности получения и использования генетической информации. Генетическое тестирование, генетический скрининг населения должны стать обязательными для населения, или могут проводиться на добровольных началах? Следует ли предоставить людям право обладания исчерпывающей информацией относительно своих генетических свойств, и обязаны ли ученые-генетики такую информацию пациентам предоставлять, сопровождая ее соответствующими разъяснениями?

Ценность человеческой жизни рискует оказаться менее значимой, чем ценность технологий, а неразумное использование новых технологий в области человеческой генетики может привести к катастрофическим последствиям. Наиболее остро этот вопрос встал в конце XX в. в контексте одного из самых трудоемких и дорогостоящих проектов в истории науки, международного глобального проекта «Геном человека» [9]. Формально проект, в котором были задействованы несколько тысяч ученых из более чем 20 стран, был запущен в 1990 г., а полное секвенирование генома человека получили уже в 2022 г.

Главной целью проекта было определение пар оснований ДНК, полное картирование и секвенирование различных вариаций всех человеческих генов. Каждый человеческий геном уникален, поэтому для занесения в общедоступные базы данных определена комбинированная последовательность человеческой ДНК, а не отдельно взятого индивида.

Все это необходимо для дальнейшего углубления фундаментальных знаний генетического аппарата, понимания его генома, идентификации различий и сходства между людьми. Определение локализации и структуры генов, несущих те или иные генетические нарушения человека, исправления наследственного материала – все это весомый вклад в медицину и здравоохранение. Проект «Геном человека» создает важный прецедент не только для развития науки, но и для ее сотрудничества с общественностью и представляет собой социальное, финансовое и производственное явление.

Наиболее важным юридическим документом, раскрывающим основные положения биоэтики в отношении генома человека, выступает «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» принятая ЮНЕСКО в 1997 г. Основной постулат декларации заключается в том, что «геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества... Каждый человек имеет право на уважение его достоинства и его прав, вне зависимости от его генетических характеристик. Такое достоинство непреложно означает, что личность человека не может сводиться к его генетическим характеристикам, и требует уважения его уникальности и неповторимости. Геном человека в его естественном состоянии не должен служить источником извлечения доходов» [1]. Вместе с тем декларация содержит запрет на клонирование человека, унижающее его достоинство, и в целом определяет основные этические принципы проведения геномных исследований.

Со временем наука и общество приходят к социально-этическому и гуманистическому регулированию науки как к жизненной необходимости. В связи с этим свобода науки и социальная ответственность ученого не должны исключать друг друга. Прогресс науки и технологий неизбежен, и ученый должен сделать все, чтобы его труд не был использован во вред человечеству.

Библиографический список:

1. «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека», принятая на Генеральной ассамблее ЮНЕСКО в 1997 году [Электронный ресурс] // Веб сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 23.03.2023).
2. ГОСТ 33044-2014 Принципы надлежащей лабораторной практики, ГОСТ от 20 ноября 2014 года №33044-2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200115791> (дата обращения: 23.03.2023).
3. Летов О. В. Биоэтика и современная медицина. М.: Издательство «ИНИОН РАН», 2009. 252 с.
4. Нюрнбергский кодекс 1947 год [Электронный ресурс] // Права и свободы человека в психиатрии. Режим доступа: <http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm> (дата обращения: 23.03.2023).
5. Тищенко П. Д. «Ген-этика», лекции ИИТО [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pavel-tishchenko.ru/wp-content/uploads/2019/05/тема-4-ген-этика.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).
6. Тищенко П. Д. Социогуманитарное сопровождение инновационных биотехнологических проектов / П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека: сб. науч. ст. К 70-летию П. Д. Тищенко. М.: Изд-во МосГУ, 2017. С. 209-237.
7. Флоринский В. М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода. Вологда: «Северный печатник», 1926. 186 с.
8. Galton, F. Hereditary genius: An inquiry into its laws and consequences. London: Macmillan and Co., 1869. 470 p.
9. The Human Genome Project [Electronic resource] // National Human Genome Research Institute. Available at: <https://www.genome.gov/human-genome-project> (accessed date: 10.09.2023).

Kokoreva A.N. Ethical issues in the development of genetics

With the development of biology, medicine, and genetics, the question of applying the acquired knowledge and methods to humans and possible consequences, has always arisen. This question highlighted social, ideological and ethical problems. This article discusses the ethical problems of the development of genetics, biology, and medicine, as well as ethical and legal principles and their regulation.

Keywords: bioethics, moral and ethical problems of genetics, ethical regulation of science, ethical and legal principles.

УДК 621.384.63

Р.Г. Айданов

**Этико-правовые проблемы развития и применения циклотронов
сверхпроводящего состояния в медицине**

Аннотация:

Циклотроны сверхпроводящего состояния – это технология, которая использует сверхпроводящие магниты для создания электрических полей, необходимых для ускорения заряженных частиц до высоких энергий. Они применяются в производстве радиоактивных изотопов в медицинских целях, включая диагностику и лечение рака. Однако развитие этой технологии сопровождается этико-правовыми проблемами, связанными с возможностями пагубного воздействия на окружающую среду, низкой доступностью технологии для удаленных от центра регионов, а также использованием технологии в антигуманных целях. В статье затрагиваются этико-правовые аспекты развития технологии, предлагаются пути ее этичного развития в медицине.

Ключевые слова: циклотроны сверхпроводящего состояния, сверхпроводимость, ускоритель частиц, медицинские изотопы, этика науки, радиоактивные отходы, деконтаминация.

Об авторе: Айданов Руслан Гумарович, Государственный университет «Дубна», аспирант, Объединенный институт ядерных исследований, инженер конструктор 3 категории; эл. почта: aydanof@jinr.ru

Научный руководитель: Яковенко Сергей Леонидович, кандидат физико-математических наук, Объединенный институт ядерных исследований, главный инженер лаборатории ядерных проблем; эл. почта: yakoven@jinr.ru

Современная медицина находится в постоянном поиске новых технологий и методов диагностики и лечения заболеваний. Одной из таких технологий в ядерной медицине выступают циклотроны сверхпроводящего состояния, разрабатываемые в

медико-биологическом центре ОИЯИ и широко используемые в медико-биологических исследованиях для диагностики и лечения различных заболеваний, таких как болезни сердца, нервной системы, а также заболеваний онкологической природы. Циклотроны сверхпроводящего состояния – один из наиболее перспективных и оптимальных методов производства радиофармацевтических препаратов, таких как FDG-18, применяемых в позитронной эмиссионной томографии (ПЭТ).

Метод практикуется в клиниках для визуализации опухоли и распознавания патологических процессов на молекулярном уровне. Он основан на использовании суперпроводниковых магнитов и позволяет производить радиоизотопы с высокой эффективностью и меньшим объемом радиоактивных отходов [5; 7]. Препараты, основанные на изотопах иттрия и лутеция, задействованы для лечения рака простаты, шеи и головного мозга, осложнений в других частях тела [1]. Эксплуатация циклотронов занимает важное место в кардиологии при лечении ишемической болезни сердца, аномалий сердечного ритма, при обнаружении протоков крови в сердце.

Одним из главных преимуществ циклотронов сверхпроводящего состояния становится возможность производства большого количества радиоизотопов за короткий промежуток времени: ультракороткая импульсная доставка дозы ионизирующего излучения в зону исследования дает более конформное облучение, когда форма облучения максимально приближена к форме опухоли и не затрагивает окружающие опухоль ткани. Более высокая эффективность циклотронов сверхпроводящего состояния, чем циклотронов традиционных, позволяет сократить затраты на производство радиоизотопов. Однако, как и в случае любой новой технологии, возникают этические и правовые проблемы, связанные с ее развитием и применением циклотронов в медицине.

Одной из основных этических проблем оказывается возможность использования радиоизотопов в антигуманных, отнюдь не в медицинских целях. Такая возможность обусловлена тем, что радиоактивные изотопы – это атомы, обладающие радиоактивностью, малым периодом полураспада. Благодаря тому, что радиоизотопное излучение легко прослеживается, оказывает влияние на облучаемый объект, радиоизотопы получили широкое применение не только в медицине, но и в промышленности, в т.ч., в военной, для создания оружия массового поражения [1].

Особые свойства радиоизотопов требуют контроля за их эксплуатацией. Чтобы снизить риски, связанные с генерацией потоков высокоэнергетических частиц при

эксплуатации и обслуживании циклотронов, требуется соблюдение мер предосторожности и следование строгим протоколам безопасности и инструкциям. Важно обеспечить надлежащее хранение, использование и утилизацию радиоактивных материалов, обучать не только персонал, но и пациентов правилам безопасности при использовании циклотронов, проводить регулярные проверки и тестирование оборудования [6].

Радиоизотопы (или радионуклиды) – природное явление, они присутствуют повсеместно, представляя собой нестабильную форму элемента, испускающего излучение, которое придает элементу более стабильную форму. Однако, становясь технологией, они могут наносить вред человеку: степень негативного воздействия зависит от полученной дозы, продолжительности облучения и глубины проникновения радиации в организм.

В этом плане понятны опасения пациентов и даже их отказ от радиобиологического обследования. В таких случаях необходимо, с одной стороны, провести разъяснение по возможностям и рискам такого обследования, а, с другой стороны, обеспечить право пациента на свободный выбор альтернативных методов диагностики и лечения, объясняя ему при этом возможные последствия. Такого рода индивидуальная работа с пациентами требует, разумеется, высокой общей и специальной квалификации. В этой сфере, может быть, как ни в какой иной от врача требуется такое свойство личности, как профессиональная критичность: в формировании диагностического суждения и, особенно, планировании действий, врач не только имеет право на сомнения, но и должен их иметь, выбирая наиболее обоснованное решение, и даже, в части случаев, делиться с пациентом своими размышлениями, как бы вместе приходя к выбранному решению [2, с. 301].

Критическое мышление врача – это целая система параметров его личности, позволяющая поддерживать здоровье и спасать жизни. Вот лишь некоторые, наиболее существенные, из таких параметров.

Во-первых, способность собирать и оценивать актуальную информацию, эффективно ее интерпретировать, проверяя на соответствие устоявшимся критериям и стандартам, например, протоколам диагностики и лечения. Эти протоколы имеют разные уровни доказательности и, соответственно, разные степени рекомендаций («должно», «желательно», «можно»). Однако нередко методики применяются конвенционально, на основе экспертного согласия. Соответственно, для принятия эффективного решения врачу необходимо действовать – с одной стороны, в соответствии

со строгими стандартами (что способно обезопасить его еще и юридически), а – с другой стороны, уметь управлять их использованием. Бездумное следование лечебным протоколам может привести к трагическим исходам.

Во-вторых, способность мыслить непредвзято, даже будучи приверженцем или последователем той или иной врачебной школы, помня, что каждый организм – уникален, мыслить в рамках альтернативных практик, признавая и оценивая, по мере необходимости, их опыт, следствия и практические последствия.

В-третьих, способность к коммуникации, совершенное владение профессиональным языком, эффективное взаимодействие с другими коллегами в поиске решений сложных проблем, а также стремление к преодолению эгоцентризма, личных и корыстных мотивов, соблюдение этических принципов, в особенности в ситуации практически повсеместного лоббирования коммерческих интересов.

В-четвертых, чтобы реализовать названные выше требования, врач должен знать методы логического исследования и рассуждения и обладать умением эти методы применять [2, с. 309].

Не менее актуальным оказывается уважение права пациентов на конфиденциальность: проблема защиты персональных данных, которые собираются для получения информации о заболевании и применении циклотронов, как и в других сферах жизни цифрового общества, обретает критичный характер.

Циклотроны сверхпроводящего состояния – дорогостоящие и сложные в эксплуатации устройства, и это ограничивает доступность технологии для медицинских учреждений, расположенных в удаленных от центра регионах, неравномерность распределения радиоизотопов. Поэтому важно обеспечить прозрачность в использовании циклотронов, например, путем публичных отчетов о численности использованных радиоизотопов и радиоактивных веществ. Это позволит установить доверие к технологии и сократить возможность неоптимального расходования средств.

Использование циклотронов сверхпроводящего состояния в медицине может оказывать негативное воздействие на окружающую среду на разных стадиях производства и эксплуатации циклотронов. Например, производство сверхпроводящих магнитов, необходимых для работы циклотрона, может потребовать большого количества энергии и материалов, что приведет к выбросам парниковых газов и других вредных веществ [4]. Производство радиоактивных изотопов чревато выбросом радиоактивных веществ в

окружающую среду, что опасно для здоровья людей и животных. Именно поэтому необходимо строго контролировать процесс производства радиоактивных веществ, осуществлять их транспортировку и хранение в соответствии с международными нормами и стандартами.

Таким образом, учитывая, что технология использования в медицине циклотронов сверхпроводящего состояния применяется все чаще, возникает необходимость в выработке правил, устанавливающих требования для получения лицензии на использование этой технологии, контроля за распределением радиоизотопов и радиоактивных веществ, защиты личных данных пациентов. Необходимо проводить обучение и повышение квалификации медицинских работников, которые будут применять технологию в дальнейшем. Обозначенный комплекс мер обеспечит должное использование технологии и минимизирует потенциальные риски для пациентов [3].

Развитие и применение циклотронов сверхпроводящего состояния в медицине – важный шаг на пути к улучшению здоровья населения. Однако развитие этой технологии, сопряженной с определенными рисками, связано с комплексом этико-правовых проблем, которые необходимо регулировать в соответствии с законодательством и международными стандартами: обеспечение прав и защиты интересов пациентов выступают здесь приоритетом.

Библиографический список:

1. Матвеев А.В. Ядерная медицина. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. 126 с.
2. О критичности врача: междисциплинарный подход / О. В. Кубряк, Н. Г. Багдасарьян, М. Ю. Герасименко [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6(154). С. 295-313.
3. Овчинников В. А. Лучевая диагностика и лучевая терапия: учебное пособие для студентов III курса медико-психологического и медикодиагностического факультетов / В.А. Овчинников, В.Н. Волков. Гродно: ГрГМУ, 2009. 404 с.
4. Сергиенко Ю. А. Радионуклидная диагностика с нейротропными радиофармпрепаратами / Ю. А. Сергиенко, А. А. Аншелес. М: ИНФРА-М, 2014. 111 с.
5. Смирнов В. П. Циклотроны и синхроциклотроны в медицине / В. П. Смирнов, Е. М. Лебедев, А. В. Абакумов. М.: Медицинское информационное агентство, 2009. 112 с.

6. Шарков Б. Ю. Развитие физики и технологии ускорителей заряженных частиц / Б. Ю. Шарков, И. Н. Мешков. М.: РАН, 2021. 140 с.

7. Шевченко А. А. Применение циклотронов в медицине / А. А. Шевченко, В. Н. Яголич, И. В. Рябцев. М.: Наука, 2004. 306 с.

Aydanov R.G. **Ethical and legal problems of development and application of superconducting cyclotrons in medicine**

Superconducting cyclotrons are a technology that uses superconducting magnets to create the electric fields necessary to accelerate charged particles to high energies. They are used in the production of radioactive isotopes for medical purposes, including the diagnosis and treatment of cancer. However, the development of this technology is accompanied by ethical and legal problems associated with the possibility of harmful effects on the environment, low availability of technology for remote regions, as well as the use of technology for inhumane purposes. The article touches upon the ethical and legal aspects of technology development, suggests ways of its ethical development in medicine.

Keywords: superconducting cyclotrons, superconductivity, particle accelerator, medical isotopes, cancer, ethical issues, safety, risks, environmental impact, radioactive waste, accessibility, economic efficiency, decontamination.